

9 1009

Клубъ Русскихъ Націоналистовъ въ Кіевѣ.

А. В. Стороженко.

67
71

**ПРОИСХОЖДЕНІЕ И СУЩНОСТЬ
УКРАИНОФИЛЬСТВА.**

Второе изданіе.

КІЕВЪ.
Типографія „С. В. Кульженко“, Пушкинская, № 4.
1912.

Клубъ Русскихъ Націоналистовъ въ Кіевѣ.

А. В. Стороженко.

**ПРОИСХОЖДЕНІЕ И СУЩНОСТЬ
УКРАИНОФИЛЬСТВА.**

Второе изданіе.

КІЕВЪ.
Типографія „С. В. Кульженко“, Пушкинская, № 4.
1912.

STOKER

Principles

D

1174

18703394

187

x

Происхожденіе и сущность украинофильства.

Докладъ собранію членовъ Клуба русскихъ націоналистовъ въ Кіевѣ, 17 ноября 1911 г.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государя!

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ придется стоять преимущественно на исторической почвѣ, но въ настоящую минуту я прошу васъ оставить въ сторонѣ историческія области, забыть навремя о судьбахъ, пережитыхъ отдѣльными вѣтвями русскаго народа, и обратиться къ молодой наукѣ о нарѣчіяхъ и говорахъ русскаго языка, къ такъ называемой русской діалектологіи. Эта наука располагаетъ громаднымъ матеріаломъ, который въ видѣ пѣсенъ, сказоқъ, легендъ, пословицъ, поговорокъ, анекдотовъ и разговоровъ записанъ изъ народныхъ устъ, съ соблюденіемъ народнаго произношенія. Если мы обратимся къ ея даннымъ, то увидимъ, что на огромномъ пространствѣ Россіи— съ востока на западъ—отъ предѣловъ Великаго океана до австрійскихъ границъ, и отъ дальняго сѣвернаго Поморья до береговъ роскошнаго Крима, въ городахъ говорятъ преимущественно на русскомъ литературномъ языкѣ, но въ селахъ слыш-

ны самые разнообразные нарѣчія и говоры; и то же мы наблюдаемъ не только въ Россіи, но и въ Австріи: въ восточной Галиціи, Буковинѣ и Угорской Руси мы встрѣчаемъ рядъ говоровъ и поднарѣчій все того же основного языка, который господствуетъ по нашу сторону границы, между тѣмъ, какъ въ городахъ говорятъ по-нѣмецки, по-польски, по-мадьярски и на нѣмецко-жидовскомъ жаргонѣ („идишь“). „Еще до Карпатскихъ горъ услышишь русскую молвь“, по дивному выраженію Гоголя, „и за горами еще, кой-гдѣ, отзовется какъ будто родное слово; а тамъ уже и вѣра не та, и рѣчь не та“. При ближайшемъ разсмотрѣніи мы придемъ къ тому заключенію, что на всѣхъ этихъ пространствахъ живетъ единый русскій языкъ, и что діалектологія въ море его звуковыхъ мѣстныхъ особенностей вноситъ извѣстную классификацію лишь для удобства ихъ изученія. Диалектологія дѣлитъ всѣ нарѣчія, поднарѣчія и говоры на цѣлый рядъ группъ, изъ которыхъ главныя: великорусская, малорусская и бѣлорусская; но и эти основныя группы раздѣляются, въ свою очередь, на болѣе мелкія. Напр., великорусская группа подраздѣляется на поднарѣчія южно-великорусское и сѣверно-великорусское, затѣмъ сѣверно-великорусское на группы цокающую и не цокающую; есть сибирская группа. Нѣкоторые считаютъ, что бѣлорусская группа является только акающимъ и дзекающимъ поднарѣчіемъ южно-великорусской группы; въ ней также имѣются говоры цокающіе и не цокающіе. Подобнымъ же образомъ дѣлится и малорусская группа на сѣверно- и южно-малорусскія поднарѣчія. Существуютъ во множествѣ говоры смѣшанные и переходные отъ одной группы

къ другой. Каждая почти отдѣльная мѣстность имѣетъ свой особый говоръ, отличается своимъ способомъ произношенія звуковъ. Особенно на западѣ встрѣчается даже по нѣсколько отличныхъ говоровъ въ одной губерніи: такъ, въ Могилевской губерніи три говора, въ Минской три, въ Гродненской два и т. д. Это показываетъ, что существуетъ множество различныхъ оттѣнковъ въ выговорѣ звуковъ и словъ. Но во всемъ этомъ подавляющемъ разнообразіи замѣчается несомнѣнное единство; на громадномъ пространствѣ звучитъ единый русскій языкъ. Надо замѣтить, что появленіе новыхъ нарѣчій зависитъ часто отъ случайныхъ причинъ. Такъ, на примѣръ, на Дону замѣчено, что въ недавнее сравнительно время женщины стали шепелявить, а мужчины продолжаютъ говорить на великорусскомъ нарѣчій съ рязанскимъ оттѣнкомъ; это явленіе объясняется тѣмъ, что донскіе казаки долгое время проводятъ на военной службѣ, и въ отсутствіе мужской половины населенія образовалась среди женщинъ такая мода, что онѣ начали употреблять *ж* вмѣсто *з*, *ш* вм. *с*, *ч* вм. *ц* и наоборотъ. Записана, на примѣръ, такая фраза: *више мужья нажадъ возжвратилишия* = уже мужья назадъ возвратились. И въ Сибири въ нѣкоторыхъ селахъ вмѣсто *з* пріучаются говорить *ж*, такъ что вмѣсто: зима получается *жима*, вмѣсто: звѣрь — *жвѣрь*. Такими случайными причинами обусловливается иногда разнообразіе въ выговорѣ или произношеніи словъ, но при всемъ этомъ громадномъ разнообразіи, повторяемъ, необходимо прійти къ заключенію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ общимъ русскимъ языкомъ. Жители самыхъ отдаленныхъ одна отъ дру-

гой мѣстностей могутъ прекрасно понимать другъ друга. Въ Бѣлоруссіи и Малороссіи на говорахъ простаго народа замѣтно сильное вліяніе польскаго языка вслѣдствіе многовѣкового подчиненія этихъ областей Польско-Литовскому государству. Особенно пестритъ полонизмами словарный составъ нарѣчій бѣлорусскаго и малорусскаго; подъ польскимъ же воздѣйствіемъ появилось въ бѣлорусскомъ нарѣчій съ XVI в. дзеканіе. Можно сказать, что оба нарѣчія настолько отступаютъ отъ общаго типа русскаго языка, насколько они проникнуты элементами польскими.

Теперь ученые діалектологи распространяютъ свою любознательность все дальше въ глубь вѣковъ и стараются прійти къ какимъ нибудь выводамъ относительно древне-русскихъ нарѣчій въ X—XII в., на зарѣ русской исторической жизни. Когда подходятъ къ этому вопросу, то онъ представляется туманнымъ, такъ какъ никакихъ записей съ соблюденіемъ выговора отъ той отдаленной эпохи нѣтъ, потому что тѣхъ способовъ, которыми теперь располагаютъ для записей, та эпоха не имѣла; а потому мы здѣсь входимъ какъ бы въ область гаданій. Но, однако, по общему закону развитія языковъ, чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ нарѣчій все меньше и меньше, такъ какъ дифференціація въ языкѣ, т. е. различіе, разница въ выговорѣ, развивается съ теченіемъ времени. При Владимірѣ и Ярославѣ тѣхъ различій въ языкѣ, какія теперь наблюдаются, не могло быть, или, по крайней мѣрѣ, по отдѣльнымъ мѣстностямъ эти различія были значительно слабѣе. Въ подтвержденіе того, что въ древности существовало болѣе полное единство русскаго языка, можно привести нѣсколько косвен-

ныхъ доказательствъ, довольно убѣдительныхъ. Напримѣръ, въ древнихъ памятникахъ находимъ нѣкоторыя слова, которыя теперь на югѣ не употребляются, но сохранились на сѣверѣ. Возьмемъ слово *олекъ*. Когда писали Русскую Правду, то употребили это слово въ значеніи: починъ сотовъ. Между тѣмъ, какъ на югѣ это слово является совершенно неизвѣстнымъ и непонятнымъ, діалектологамъ удалось записать его въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Костромской губерніи и въ Шуйскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи. Въ статьѣ „О борти“ сказано: „Оже (если) пчелы выдереть, 3 гривны продажи (пени, штрафа), а за медъ оже будутъ пчелы не лажены (т. е. если не лазили по дереву къ борти забирать медъ), то 10 кунъ; будетъ ли олекъ, то 5 кунъ“. Очевидно, это слово встрѣчалось въ древности и на югѣ, что подтверждаетъ тогдашнее единство русскаго языка.

Приведу еще фактъ, косвенно подтверждающій единство языка: записи Кіевскихъ былинь сдѣланы въ Олонецкой губерніи и на берегахъ р. Печоры. Здѣсь мы находимъ эпосъ, воспѣвающій дѣятельность Владиміра Святого и послѣдующихъ князей, образы которыхъ слились въ одинъ типъ князя Краснаго Солнышка, главнымъ образомъ, борьбу ихъ со степными кочевниками, печенѣгами и половцами. Есть многія отдѣльныя черты въ былинахъ, указывающія, что пѣвцы, сложившіе эти былины, находились въ Кіевѣ, при княжескомъ дворѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что корни нашихъ былинь тянутся въ ту именно эпоху Кіевской Руси, которая указывается господствующимъ въ былинахъ подборомъ именъ и географическихъ названій. Богатыри, которые въ былинахъ

являются дѣйствующими лицами, тѣсно связаны съ Кіевомъ и югомъ. Такъ, Илья, яко-бы Муромецъ, родомъ былъ на самомъ дѣлѣ изъ Моровска, т. е. изъ села въ нынѣшнемъ Остерскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Кіева; только позднѣе—мѣсто рожденія Ильи Муромца было приурочено къ городу Мурому, Владимірской губерніи. Былины о немъ—обломокъ чернигово-сѣверскихъ эпическихъ сказаній. Другой былинный богатырь, Дюкъ Степановичъ, — родомъ изъ „краснаго Галича“. Весь образъ этого знатнаго щеголя указываетъ на ту славу, которою пользовалось въ средней приднѣпровской Руси XII—XIII в. богатое и сильное галицкое боярство. Такимъ образомъ, самый фактъ перенесенія былинъ съ юга на сѣверъ подтверждаетъ существованіе одинаго русскаго языка въ древности.

Пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“ нигдѣ не дѣлаетъ различія между составными частями Русской земли; для него нѣтъ племенныхъ разновидностей среди Русичей, для него вездѣ—единымъ—единая Русь. Всеславъ, князь-чародѣй и кудесникъ, оборачивался въ полночь сѣрымъ волкомъ и рыскалъ по Русской землѣ: изъ Полоцка въ Кіевъ, изъ Кіева въ Тмутаракань, изъ прикіевскаго Бѣлгорода въ Новгородъ-Великій, оттуда на берега Нѣманя. Вотъ какъ раскинулась, въ представленіи пѣвца, милая ему Русская земля.

Общій литературный русскій языкъ образовался на тѣхъ же началахъ, какъ и культурные языки Западной Европы, гдѣ одно нарѣчіе получало преобладаніе и дѣлалось языкомъ науки и образованности; затѣмъ сюда примѣшивались областныя и мѣстныя особенности, и языкъ посте-

пенно объединялъ весь народъ. Такъ было въ Германіи, гдѣ такое преобладаніе получило верхне-нѣмецкое нарѣчіе, во Франціи, гдѣ сѣверное нарѣчіе Иль-де-Франсъ подавило остальные, и въ Италіи, гдѣ господствующимъ стало тосканское нарѣчіе. Такая же эволюція произошла и съ русскимъ языкомъ. Послѣ вѣкового господства въ письменности церковно-славянскаго языка русскаго извода, сначала въ Малороссіи подготовленъ былъ понятный всѣмъ русскимъ письменный языкъ, а потомъ, трудами М. В. Ломоносова, московское нарѣчіе, столичное и придворное, получило литературную обработку и, вобравши въ себя старыя церковно-славянскіе и многіе областныя элементы, въ особенности западно-русскіе, сдѣлалось, наконецъ, общедоступнымъ языкомъ, объединившимъ весь русскій народъ.

Но вотъ, лѣтъ 65—70 тому назадъ, появились люди, сначала въ маломъ числѣ, а послѣ въ болѣе значительномъ, которые стали утверждать, что русскій языкъ объединяетъ только одну сѣверную, великорусскую часть русскаго народа, что это языкъ только „московскій“, что онъ не имѣетъ того общаго значенія, какъ языки западно-европейскіе, культурные, т. е. предназначенные для выраженія не обиходныхъ домашнихъ понятій, а идей религіозныхъ, государственныхъ, философскихъ и художественныхъ, что на югѣ и западѣ онъ непонятенъ, и что нужно составить новый литературный языкъ, который объединилъ бы юго-западную, малороссійскую часть русскаго народа, каковой будто бы недоступенъ существующій общерусскій языкъ. Это утвержденіе является на первый взглядъ дикимъ и какъ бы не имѣющимъ никакого смыс-

ла, никакихъ основаній, но въ исторіи мы найдемъ объясненіе непонятнаго явленія.

Послѣ разцвѣта Кіевскаго государства во времена Владиміра и его ближайшихъ преемниковъ наступилъ въ государственной жизни Кіева упадокъ, и Кіевъ постепенно сталъ принижаться, получать второстепенное значеніе, а историческая жизнь отлила въ другія стороны: на сѣверо-востокъ, въ область суздальскую, и на юго-западъ — въ Галичъ и на Волынь. Но Кіевъ, всетаки, еще до начала XIII вѣка сохранялъ тѣнь своего былого величія, и князья боролись за Кіевскій столъ, желая воспользоваться положеніемъ Кіева, чтобы собрать русскій народъ. Это стремленіе не привело къ своей цѣли; между тѣмъ, Кіевъ подвергся монгольскому нашествію и былъ взятъ Батыемъ. Тутъ нужно отмѣтить еще одно обстоятельство, которое ухудшило положеніе Кіева. Кіевъ являлся важнымъ торговымъ центромъ и служилъ складомъ товаровъ, идущихъ сухимъ путемъ съ запада на востокъ. Венеціанцы, которые тогда также стремились овладѣть торговлей съ Востокомъ, завидовали положенію Кіева, какъ торговаго соперника. Пользуясь близостью своей къ ханамъ и князьямъ монгольскимъ, венеціанцы настаивали на томъ, чтобы монголы расправились безпощадно съ Кіевомъ. И дѣйствительно, несмотря на то, что монголы не имѣли никакой религіозной ненависти и обыкновенно щадили въ покоряемыхъ странахъ храмы и духовенство, въ Кіевѣ они не давали никому и ничему никакой пощады и проявили безпримѣрную жестокость и исключительное озлобленіе. Послѣ паденія Кіева Русь разцепилась на восточную и западную половину, и по мѣрѣ того,

какъ Кіевъ и его окрестности обращались въ полную пустыню, связь между западной и восточной Русью становилась все слабѣе. Юго-западная Русь попробовала было объединиться вокругъ трона галицко-волынскихъ князей, изъ которыхъ Романъ даже величается въ лѣтописи позднѣйшимъ московскимъ титуломъ „приснопамятнаго самодержца всея Руси“, но, подъ гнетомъ тяжелыхъ историческихъ условій, государство Данила Галицкаго не могло собрать около себя всѣхъ западно-русскихъ земель, и объединеніе ихъ совершилось уже подъ властью князей литовскихъ, которые мало по малу собрали всѣ западно-русскія земли около Вильна, и сами сдѣлались по вѣрѣ, языку и обычаямъ русскими, оставаясь литовскими только по имени. Впослѣдствіи дѣла сложились для западной Руси неудачно. Ягелло, женись на Ядвига, принялъ католичество, а государство Литовско-Русское соединилось сначала личной, а потомъ и государственной уніей съ католической Польшей, и мало по малу слилось съ нею въ одно государственное тѣло Рѣчи-Посполитой, т. е. шляхетно-польской республики. Когда, такимъ образомъ, объединились три національности: русская, литовская и польская, то изъ нихъ русская являлась наиболѣе культурной и образованной. Это объясняется тѣмъ, что русскіе уже четыре вѣка пользовались письменнымъ церковно-славянскимъ языкомъ, который былъ очень близокъ къ русскому и совершенно понятенъ для русскихъ; „а словѣнскъ языкъ и рускій одинъ“, по выраженію лѣтописи; русскіе имѣли на этомъ языкѣ, кромѣ богослужбныхъ книгъ и Священнаго Писанія, еще и богатую литературу, какъ самостоятельную (лѣ-

тописи, житія св. Θεодосія Печерскаго, Бориса и Глѣба, слова Кирилла Туровскаго, Слово о полку Игоревѣ), такъ и переводную съ греческаго. Кромѣ того, древняя Русь вообще, и южная ея половина въ частности, были подъ сильнѣйшимъ влїяніемъ Греціи, которая являлась самой образованной страной во всей Европѣ, до захвата греческаго царства западными крестоносцами. Такимъ образомъ, въ культурномъ отношеніи, русскіе преобладали и надъ литовцами, и надъ поляками. Поляки въ первые вѣка исторической жизни не имѣли родного языка, какъ культурнаго, каковымъ служилъ для нихъ латинскій языкъ, и потому духовное развитіе ихъ было задержано, и они отстали отъ русскихъ. Мертвая латынь пересыпалась, точно сухой горохъ, въ головахъ польскихъ грамотеевъ, не давая живыхъ ростковъ, по выраженію одного писателя. Поэтому положеніе, которое сначала заняли русскіе въ польско-литовскомъ государствѣ, было благопріятно; являясь наиболѣе культурнымъ элементомъ, они получили въ немъ наибольшее значеніе. Насколько русская культура была высока даже въ XV вѣкѣ, видно изъ такихъ фактовъ. Напримѣръ, когда Ягеллу понадобилось расписывать одинъ костелъ въ Люблинѣ (св. Троицы), особенно дорогой для него, какъ основанный въ память побѣды его надъ крестоносцами, то оказалось, что найти живописца въ Польшѣ нельзя, и пришлось пригласить русскаго живописца. Этотъ русскій художникъ, Андрей, превосходными фресками расписалъ костелъ и оставилъ надпись, что работу онъ исполнилъ въ 1415 году, окончивъ ее въ день памяти св. Лаврентія, 10-го августа. Также въ Краковѣ была расписана фресками въ 1478 г.

каплица кафедральнаго собора русскими художниками, по заказу польскаго короля Казимира и его жены Елисаветы. На стѣнѣ каплицы сохранилась кирилловская надпись, объясняющая происхожденіе фресокъ. Нельзя поэтому удивляться, что языкъ русскій сдѣлался государственнымъ языкомъ и языкомъ двора литовскихъ князей въ Вильнѣ; на немъ писали въ канцеляріяхъ оффиціальныя акты, грамоты, сдѣлки, договоры. Русскій языкъ имѣлъ также широкое распространеніе для письменныхъ сношеній въ общежитіи. Мало по малу, въ русскій языкъ стали проникать заимствованія изъ языковъ польскаго и даже чешскаго, такъ какъ, въ виду скудости тогдашней польской литературы, явилась потребность переводить интересныя произведенія богатой чешской литературы на чешскомъ языкѣ на русскій языкъ. Образовался типическій юго-западно-русскій языкъ, на которомъ написаны такъ называемыя литовскія лѣтописи, статуты 1529, 1566 и 1588 г. и т. д.

Когда династія литовско-русскаго государства сдѣлалась и династіею польскою, то дворъ сталъ ополячиваться, и уже съ начала XVI вѣка придворнымъ языкомъ дѣлается польскій; особенно сильное вліяніе на развитіе употребленія польскаго языка оказало реформаціонное движеніе. Реформація выдвинула на первый планъ вмѣсто латинскаго языка польскій. Духъ реформаціи требовалъ широкаго общенія народныхъ массъ съ церковью и стремился, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы сдѣлать Священное Писаніе доступнымъ самымъ простымъ, малообразованнымъ людямъ. Съ этой цѣлью, какъ только появилась въ Польшѣ реформація, стали переводить Свя-

щенное Писаніе и богослужебныя книги на польскій языкъ, чтобы сдѣлать религіозное ученіе доступнымъ для низшихъ слоевъ народа. Вмѣстѣ съ этимъ и свѣтская литература пошла по тому же направленію, и Польша получила нѣсколько крупныхъ писателей, изъ которыхъ самыми выдающимися являются Мартинъ Бѣльскій и Николай Рей—ревностные протестанты, которые создали литературный польскій языкъ; такъ какъ они были плодовиты и много писали, то оставили послѣдующимъ поколѣніямъ богатые образцы литературнаго языка. Послѣ того, какъ такой переворотъ совершился въ Польшѣ, въ западную Русь также проникла реформація; здѣсь, въ свою очередь, подъ вліяніемъ разныхъ реформаціонныхъ ученій, стало развиваться сильное религіозно-литературное движеніе. Повторяемъ, что старый церковно-славянскій языкъ, на которомъ до тѣхъ поръ писали всѣ сочиненія богословскія и литературныя, пересталъ удовлетворять тѣмъ новымъ понятіямъ, которыя пришли съ Запада въ эпоху реформаціоннаго движенія, и въ этотъ старый языкъ стали вторгаться многіе чешскіе и польскіе слова и обороты, которые были лучше приспособлены для выраженія новыхъ понятій. Такимъ образомъ, уже въ половинѣ XVI вѣка образовалось весьма запутанное положеніе относительно языка. Оставался во всеобщемъ употребленіи старый церковно-славянскій языкъ русскаго извода. Затѣмъ, рядомъ съ этимъ языкомъ, образовался языкъ, нѣсколько ополяченный, съ значительной примѣсью польскихъ словъ и оборотовъ, отчасти и чешскихъ (при переводахъ съ чешскаго). Наконецъ, обнаружилось стремленіе пользоваться польскимъ язы-

комъ, какъ болѣе моднымъ, являющимся языкомъ двора и высшаго общества. Консервативные элементы остались преимущественно при старомъ церковно-славяно-русскомъ языкѣ, болѣе реформаціонно-настроенные люди стали пользоваться языкомъ смѣшаннаго польско-русскаго характера, и, наконецъ, нѣкоторые перешли къ польскому языку. На Волини, въ одномъ уголкѣ, въ концѣ XVI вѣка можно уже наблюдать такія явленія. Въ 1580—81 г. князь Константинъ Константиновичъ Острожскій издаетъ, съ помощью перво-печатника москвитянина Ивана Федорова, знаменитую Острожскую библію на языкѣ старомъ, церковно-славянскомъ, причемъ текстъ ея стоитъ близко къ старымъ спискамъ; только въ стихотворномъ посвященіи пестрятъ уже полонизмы: „и разгонялъ с короны (=изъ королевства польскаго) драпѣжныа (польск. drapieżny=хищный) волки“, т. е. татаръ. Въ маломъ разстояніи отъ Острога, въ Хорошевѣ, сочиніанинъ Негалевскій переводитъ Новый За-вѣтъ на простой, болѣе доступный западно-русскій языкъ съ польскаго перевода же сочиніанина Чеховича. Въ 1584 г., когда умеръ въ Вишневецѣ русскій князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій, тѣло котораго было доставлено для погребенія въ Кіево-Печерскую Лавру, и его семьѣ пожелалось почтить его память панегирикомъ, то не нашлось никого, кто могъ бы на русскомъ языкѣ сочинить хвалебное описаніе жизненныхъ трудовъ и подвиговъ русскаго князя („Epicedion albo wiersz żałobny“), и панегирикъ былъ написанъ въ с. Нижней Бѣлкѣ, Кременецкаго уѣзда, неизвѣстнымъ авторомъ по-польски. Такимъ образомъ, на самомъ близкомъ разстояніи вокругъ Острога,

между 1580—1585 г.г., пользуются тремя языками; изъ нихъ: одинъ—старый церковно-славяно-русский, другой—новый западно-русский языкъ, сближенный съ польскимъ, и, наконецъ, третій—прямо польский. Такъ дѣло тянулось довольно долго, и отсутствіе общепризнаннаго языка въ западной Россіи, при содѣйствіи еще и другихъ историческихъ условій, повело къ тому, что русскія начала стали слабѣть, и высшія сословія стали пользоваться польскимъ языкомъ и для домашняго обихода, и для литературныхъ цѣлей. Около 1575 г. знаменитый князь Андрей Михайловичъ Курбский, который бѣжалъ изъ Москвы и поселился въ окрестностяхъ Ковеля, въ своихъ письмахъ дважды обращаетъ вниманіе на это обстоятельство и внушаетъ своимъ корреспондентамъ не пользоваться польскимъ языкомъ—„польской барбаріей“. Такъ, на примѣръ, онъ коритъ князя Константина Острожскаго, для котораго онъ сдѣлалъ съ языка латинскаго славяно-русский переводъ бесѣды Іоанна Златоуста, за то, что этотъ переводъ, „лѣпшаго ради выразумѣнія“ (для лучшаго пониманія), князь Острожский далъ переложить на польский языкъ („на польцизну преложити“), очевидно, потому, что плохо понималъ языкъ Курбскаго. Князь Курбский пишетъ, что если бы онъ могъ предполагать поступокъ князя Острожскаго, то никогда не послалъ бы ему своего перевода. Эти примѣры показываютъ, что въ концѣ XVI вѣка въ западной Руси была большая шаткость относительно того, какимъ языкомъ слѣдуетъ пользоваться на письмѣ и въ книгѣ.

Когда явилась церковная унія, которая стала возможною только вслѣдствіе крайняго разстрой-

ства и упадка православной церкви, то разгорѣлась полемика между сторонниками стараго церковно-славянскаго языка и приверженцами языка польскаго относительно того, на какомъ языкѣ лучше молиться, читать Священное Писаніе, вообще выражать вѣроисповѣдныя убѣжденія; при спорахъ о преимуществахъ обрядовъ, православнаго или католическаго, вопросъ о языкѣ игралъ важную и даже, можно сказать, первостепенную роль. Когда православные переходили въ католицизмъ, то отстаивали польскій языкъ, остававшіеся же вѣрными православію боролись за старыи церковно-славяно-русскій языкъ. Одинъ православный писатель въ своей полемической статьѣ противъ іезуитовъ, 1607 года, выразился, что славянский языкъ „истинною правдою Божіею основанъ, збудованъ и огороженъ есть; и ничто же другое ухищреніе въ себѣ не имѣетъ, толко простоту и спасеніе рачителю славянскаго языка еднаетъ“. Когда явилась потребность уяснить, чѣмъ отличается этотъ, правдою Божіею огороженный, языкъ отъ другихъ, и подвести итоги его законамъ, то убѣдились, что нельзя обойтись безъ грамматики,— что необходимо составить грамматику славянскаго языка, которая учила бы, какъ пользоваться этимъ языкомъ, и уяснила бы, почему онъ лучше того новаго языка, который образовался подъ польскимъ вліяніемъ. Первые два опыта грамматики: Виленская грамматика, изданная бр. Мамоничами (1586), и „Грамматика доброглаголиваго еллинословенскаго языка“ Арсенія, митрополита Елассонскаго, 1591 г.,—были неудачны. Гораздо совершеннѣе и болѣе подходитъ къ типу школьнаго учебника „Грамматика словенска“ Лаврентія Зизанія

(1596). Наконецъ, въ 1619 году была напечатана въ Евю, близъ Вильна, „Грамматика Славянская“ Мелетія Смотрицкаго, въ которой были изложены всѣ правила пользованія церковно-славянскимъ языкомъ при изложеніи мыслей на основаніи тѣхъ книгъ, какія были въ распоряженіи Мелетія Смотрицкаго. Въ дальнѣйшемъ — часть русскихъ людей все болѣе склоняется къ употребленію польскаго языка, переходитъ въ унию и даже въ католицизмъ, какъ, на примѣръ, вся западно-русская знать; остальные же отстаиваютъ чистоту славяно-русскаго языка. Мысль тогдашнихъ ученыхъ съ напряженіемъ работала надъ матеріаломъ славянскимъ, чтобы извлечь все, что было возможно, для своего выраженія. Вспомнимъ хотя бы одинъ почтенный трудъ обрусѣлаго уроженца Молдавіи Памвы Берынды: „Лексиконъ славенороссійскій“, напечатанный въ Кіевѣ, въ типографіи Печерской Лавры, въ 1627 г. Изданія грамматики Смотрицкаго и словаря Берынды неоднократно повторялись. Мало по малу пришло къ тому, что возстановленный славяно-русскій языкъ сдѣлался общимъ языкомъ для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя остались вѣрными православію; кто же перешелъ въ католицизмъ, сталъ пользоваться польскимъ языкомъ.

Когда явился Петръ Могила на кафедрѣ Кіевской митрополіи, то онъ иначе взглянулъ на дѣло. Онъ считалъ, что православіе оттого такъ упало, и оттого явилась униа, а завоеванія католичества достигли такихъ успѣховъ, что среди русскихъ православныхъ людей нѣтъ настоящаго образованія. Это сознаніе заставило его озаботиться устройствомъ въ Кіевѣ въ 1631 г. Кіево-Печерской коллегіи, которая соединилась въ слѣдующемъ году

съ Братскимъ училищемъ, а затѣмъ съ 1694 г. преобразовалась въ Академію; въ ней видное мѣсто получило преподаваніе польскаго языка, какъ такого, на которомъ лучше можно было усвоить тогдашнія научныя познанія. Но такъ какъ на почвѣ выбора языка давно уже происходила борьба, то не всѣ соглашались съ тѣмъ, будто для укрѣпленія православія нужно прибѣгать къ помощи польскаго языка. Поэтому обострились отношенія между Моголою и несогласными съ нимъ представителями православія, „неучеными попами и казаками“. Одинъ изъ сотрудниковъ Петра Могилы, наставникъ коллегіи, впоследствии бывшій митрополитомъ Кіевскимъ, Сильвестръ Коссовъ, писалъ: „Было такое время, что мы, исповѣдавшись, только и ждали, что вотъ начнутъ начинять нами желудки днѣпровскихъ осетровъ, или же того огнемъ, другого мечомъ отправятъ на тотъ свѣтъ“. „На что латинское и польское училище заводите?“ Отсюда видно, какъ враждебно относились къ преподаванію польскаго языка сторонники старины. Не взирая на это, Могола не только самъ писалъ по-польски, напри- мѣръ, въ коллективномъ сочиненіи, озаглавленномъ „Лиѳосъ или Камень, выброшенный изъ пращи“, но понуждалъ къ этому и своихъ сотрудниковъ: Сильвестра Коссова, Аванасія Кальнофойскаго и др., такъ какъ находилъ болѣе удобнымъ отстаивать православную вѣру на языкѣ тогдашняго просвѣщеннаго общества. Но направленіе Петра Могилы имѣло и дурную сторону: подъ его вліяніемъ языкъ польскій сдѣлался въ Малой Россіи обиходнымъ, многія даже духовныя лица стали имъ пользоваться, и въ литера-

турную рѣчь ученыхъ малороссовъ вновь усиленно врываются полонизмы. Одинъ изъ сотрудниковъ Петра Могилы, о. Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ, произнося въ 1641 г. проповѣдь надъ гробомъ князя Иліи Святополкъ-Четвертинскаго, перемѣшиваетъ русскій языкъ съ польскимъ до того, что трудно опредѣлить, на какомъ, собственно, языкѣ произнесена была проповѣдь. Напримѣръ, встрѣчаются такія фразы: „Высоце славный богатырь нашъ, князь Илія, будучи барзо ¹⁾ лѣтъ молодыхъ, гды послышалъ, ижъ казацкій ребелизантъ ²⁾ Голіадъ, ласкою кролевскою и волностю золотою утучоный ³⁾, порвался, на власного ⁴⁾ своего пана руку подносячи ⁵⁾, при иныхъ многихъ сердечныхъ милосникахъ отчизны ⁶⁾, сынахъ коронныхъ, не фолгуючи ⁷⁾ лѣтамъ молодымъ, ани на члонки суптелностю ⁸⁾ квитнучои ⁹⁾ молодости укшталтованые ¹⁰⁾ намнѣй респектуючи ¹¹⁾, порвался зъ отважнымъ анимушомъ ¹²⁾ молодымъ на застарѣлые въ бурдѣ ¹³⁾ и крнобрности ¹⁴⁾ казацкіе Голіады, на Курукови, на котрыхъ каркахъ ¹⁵⁾ первястки мужества своего досыть ¹⁶⁾ славне милой принеслъ и офѣроваль ¹⁷⁾ отчизнѣ“. Однимъ словомъ, языкъ является чрезвычайно смѣшаннымъ, съ обиліемъ польскихъ словъ. Такимъ образомъ, къ концу эпохи Петра Могилы, передъ возстаніемъ Хмельницкаго, въ западно-русскомъ литературномъ языкѣ польскія примѣси занимали большое мѣсто, и языкъ былъ сильно ими испорченъ.

¹⁾ Очень, ²⁾ бунтовщикъ, ³⁾ вскормленный, ⁴⁾ на собственнаго, ⁵⁾ поднимая, ⁶⁾ при... любителей отечества, ⁷⁾ не побрякая, ⁸⁾ нѣжностью, ⁹⁾ цвѣтущей, ¹⁰⁾ сложенные, ¹¹⁾ не обращая вниманія, ¹²⁾ духомъ, ¹³⁾ въ бунтѣ, ¹⁴⁾ и неповиновеніи, ¹⁵⁾ на спинахъ, ¹⁶⁾ довольно, ¹⁷⁾ пожертвоваль.

Какъ развивалось бы такое положеніе дальше, трудно сказать; но когда наступила бурная эпоха казацкихъ войнъ, то всѣ обстоятельства нѣсколько измѣнились. Хмельницкій, наконецъ, пришелъ къ мысли, что другого исхода для юго-западной Руси, если она хочетъ остаться русскою, нѣтъ, какъ соединиться съ единовѣрнымъ и единокровнымъ русскимъ же государствомъ, сложившимся вокругъ Москвы. Къ сожалѣнію, первая попытка воссоединенія Руси окончилась неудачно: въ составъ Московскаго государства вошла только лѣвобережная Малороссія съ Кіевомъ и съ небольшою, окружающею его, территоріей. Въ этихъ предѣлахъ съ конца XVII вѣка началось уже движеніе къ постепенному сближенію западно-русскаго языка или, какъ его иногда называютъ, славяно-малорусскаго языка съ языкомъ, на которомъ писали русскіе въ Москвѣ. Мы не будемъ, конечно, останавливаться на всѣхъ подробностяхъ этого движенія, которое привело къ тому, что выработался особый письменный и книжный языкъ, болѣе свободный отъ польскихъ примѣсей; на немъ стали писать въ канцеляріяхъ разныхъ учрежденій той части Малороссіи, которая осталась за Москвою; прекрасный образецъ его представляетъ лѣтопись, составленная канцеляристомъ генеральной войсковой канцеляріи Самуиломъ Величкомъ, который называлъ себя „истиннымъ Малыя Россіи сыномъ“, прославлялъ Богдана Хмельницкаго, какъ второго Моисея, за то, что онъ освободилъ „козако-русскій“ народъ „отъ тяжкаго ига лядскаго“. Полонизмы пестрятъ еще его рѣчь, но русское сознаніе въ немъ уже сильно, и онъ стремится уйти и въ языкъ, и въ

политическихъ взглядахъ какъ можно дальше отъ Польши. Послѣдующіе писатели (Ханенко, Марковичъ и др.), находясь въ постоянномъ общеніи съ Великороссіей, выучивались тамошнему произношенію и словоупотребленію, а затѣмъ и въ свой письменный языкъ вводили великорусскіе элементы. Такимъ образомъ, подготовлялось въ Малороссіи образованіе общерусскаго литературнаго языка, окончательную обработку которому, на почвѣ московскаго нарѣчія, далъ незабвенный М. В. Ломоносовъ. Въ теченіе всего XVIII вѣка главными дѣятелями русской литературы въ Петербургѣ и Москвѣ были люди, прибывшіе съ юга, изъ Малороссіи, каковы: Кириакъ Кондратовичъ, Несторъ Максимовичъ (Амбодикъ), Николай Бантышъ-Каменскій, Яковъ Козельскій, Ѳедоръ Козельскій, Григорій Козицкій, Ѳедоръ Эминъ, Василій Рубанъ, Платонъ Гамалѣя, Семень Гамалѣя, Петръ Симоновскій, Лука Сичкаревъ, Иванъ Хмельницкій, Павель Сохацкій и мн. др. Много сдѣлалъ для распространенія литературнаго русскаго языка въ Кіевѣ и среди малороссійскаго духовенства Кіевскій митрополитъ Самуилъ Миславскій (р. 1731, † 1796), уроженецъ с. Полошекъ Глуховскаго уѣзда. Въ дальнѣйшемъ развитіи русской литературы видное мѣсто заняли авторъ „Душеньки“ Богдановичъ, авторъ „Ябеды“ Капнистъ, переводчикъ „Иліады“ Гнѣдичъ и авторъ „Россійскаго Жиль - Блаза“ и „Бурсака“ Нарѣжный; всѣ четыре были уроженцами Полтавской губерніи; этотъ рядъ писателей завершился великимъ Гоголемъ.

Малороссія при Хмельницкомъ только номинально, на самое короткое время (1654—1667), бы-

ла присоединена къ Великой Россіи въ полномъ своемъ объемѣ, но затѣмъ это присоединеніе смѣнилось раздѣломъ Малороссіи между Польскимъ и Московскимъ государствами. Западная Малороссія по Днѣпръ, за исключеніемъ Кіева, осталась за Польшей. Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ о терминѣ Малая Россія или Малороссія. Послѣ татарскаго погрома, когда Русь разрѣзана была на двѣ половины, восточную и западную, широкою полосою обращеннаго татарами въ пустыню средняго Поднѣпровья, Константинопольскій патріархъ, оставшійся высшимъ духовнымъ главою всей русской православной паствы, началъ называть въ своихъ грамотахъ Восточную Русь—Великою, а Западную—Малою Россією, *Μικρὴ Ῥωσία*. Терминъ этотъ изъ патріаршихъ грамотъ перешелъ въ титулъ галицко-владимірскихъ князей, и послѣдній изъ нихъ, Юрій II, величалъ себя „Божією милостью прирожденнымъ княземъ всея Малыя Россіи“. Позднѣе русскіе, попавшіе послѣ Люблинской Уніи 1569 г. подъ владычество Польши, продолжали называть свое отечество, попрежнему, Малою Россією. Покойный М. А. Максимовичъ собралъ цѣлый рядъ доказательствъ въ подтвержденіе этого обстоятельства. Онъ стремился „уничтожить навсегда“, по его выраженію, „несправедливый и нерусскій толкъ“, будто Кіевская и вся западная Русь не называлась Россією до ея присоединенія къ Руси восточной; будто и названіе Малой Россіи или Малороссіи придано Кіевской Руси уже по соединеніи ея съ Русью Великою или Московскою. Напротивъ, во время ожесточеннѣйшей борьбы съ уніей и католичествомъ православные юго-западноруссы постоянно назы-

вали себя „благочестивыми христіанами Малыя Россіи“. Терминъ этотъ послѣ Переяславской рады вошелъ въ титулъ Русскаго Царя и оставался общеупотребительнымъ на лѣвомъ берегу Днѣпра до появленія украинофильскихъ лжеученій.

Но возвратимся къ судьбамъ западной Малороссіи. Здѣсь, благодаря настояніямъ Рима и усиліямъ іезуитовъ, унія усиливалась и все болѣе сближалась съ католичествомъ, а богословскія и нравоучительныя книги писались на западно-русскомъ языкѣ, который пропитывался польскими примѣсями. Народный говоръ также поддавался польскимъ вліяніямъ и впитывалъ въ себя полонизмы. Такимъ образомъ продолжалось дѣло до появленія русскихъ войскъ за Днѣпромъ для второго и третьяго раздѣла Польши. Когда раздѣлы совершились, и западно-русскія области, за исключеніемъ Галиціи и Буковины, соединились съ Россіей, то народный русскій языкъ здѣсь оказался въ самомъ жалкомъ положеніи. Разбитый на множество говоровъ, онъ считался языкомъ простымъ въ противоположность языку польскому, языку высшаго образованнаго общества. Одинъ униатскій писатель конца XVIII в. выражается такъ: „Вѣдомо. . . , же въ русской сей простой, въ Полцѣ звычайной и посполитой, бесѣдѣ, слова и способности ихъ вираженія суть рожніи и не всѣмъ еднаковіи: на Волыню иншіи, на Подолу и на Украинѣ иншіи, въ Полѣсю иншіи“. Народъ даже не сознавалъ, что онъ говоритъ по-русски, называя свою рѣчь „простою“. Если бы царствованіе Екатерины Великой продолжалось дольше, то, можетъ быть, иначе пошло бы дѣло русское въ этомъ краѣ; но, послѣ кратковременнаго царствованія

Павла I, покровительствовавшего уни, наступило царствованіе Александра I и, благодаря его дружескимъ отношеніямъ съ княземъ Чарторыйскимъ, все духовное развитіе и просвѣщеніе въ западной Руси было отдано въ польскія руки. Это поставило въ невыгодныя условія судьбу русскаго языка. Мы знаемъ изъ юбилейнаго изданія Императорской Александровской гимназіи, съ какими невѣроятными усиліями и трудами удалось отстоять основаніе въ 1811 г. русской гимназіи въ Кіевѣ; а дальше вся западная Русь была покрыта польскими учебными заведеніями съ Виленскимъ университетомъ во главѣ. Строго соблюдались завѣты Эдукаціонной Коммиссіи, примѣнялись составленныя и напечатанныя ею учебныя руководства. Когда, такимъ образомъ, утвердилось польское направленіе образованія, то въ числѣ учебныхъ заведеній, которыя поддерживались для ополчиванія Юго-Западнаго края, существовало, между прочимъ, въ Умани такъ называемое Базиліанское шести-классное училище, подчиненное сначала Украинскому отдѣлу (Wydział ukraiński) Эдукаціонной Коммиссіи, а затѣмъ отданное въ вѣдомство Виленскаго университета. Здѣсь получали образованіе юноши преимущественно изъ мелкопомѣстныхъ дворянскихъ семействъ Кіевской губ. Въ этомъ училищѣ былъ очень хорошій составъ учителей, которые умѣли пріохотить юношество къ учебнымъ занятіямъ. Въ этомъ училищѣ зародилось то направленіе мыслей, которое впоследствии стало извѣстно подъ названіемъ ученія украинофиловъ. Послѣ того, какъ съ праваго берега Днѣпра русская жизнь отлила на лѣвый берегъ, послѣ того, какъ поляками изъ умовъ простого

западно-русского народа основательно было вытравлено сознание о принадлежности его къ великому русскому племени, забылось и то, что Кіевщина, нынѣшняя Кіевская губернія,—не болѣе, какъ часть Малой Россіи. Кіевщину стали называть Украиной, т. е. пограничьемъ, пограничной отъ Россіи страной (извѣстно, что слово *украина* и въ русскомъ, и въ польскомъ языкѣ издревле употреблялось въ значеніи пограничья). Мало по малу имя нарицательное обратилось въ собственное. И до сихъ поръ въ польской книгѣ, въ польской газетѣ, на польскихъ географическихъ картахъ мы не найдемъ для Кіевской губерніи иного обозначенія, какъ „Украина“. Среди уманской молодежи сложились такія понятія, которыя были очень выгодны для Чарторыйскихъ и Чацкихъ: „На лѣвомъ де берегу Днѣпра Россія, и тамъ живетъ русскій народъ, а здѣсь, на правомъ берегу, никакой Россіи нѣтъ, а есть—Украина, пограничная область Польскаго государства (хотя и не существующаго, но продолжающаго жить въ мечтахъ патріотовъ), и заселена она украинцами“. Такимъ образомъ, былъ формулированъ взглядъ, что нѣтъ единого русскаго народа. Въ предѣлахъ бывшей Польши живетъ народъ украинскій, одно изъ племенъ польскихъ, которое только по недоразумѣнію считало себя русскимъ, а въ дѣйствительности это вѣтвь польскаго народа, но только живущая на окраинѣ (украинѣ) польскаго міра. „Часть Польши, называемая Украиной“,—говоритъ вышедшій изъ Уманскаго училища Гоцинскій,—„выполнила неясно до сихъ поръ понятое и выраженное предназначеніе въ общемъ предназначеніи народа; она имѣетъ свойственныя ей, ея исторіи

духовныя черты, которыя рѣзко выдѣляютъ ее среди другихъ частей и ставятъ выше другихъ; говоря коротко, тамъ очевиднѣйшимъ образомъ опочилъ духъ свободы польскаго простонародья, тамъ онъ всего энергичнѣе проявилъ себя въ своей борьбѣ съ угнетеніемъ и увѣковѣчилъ кровавѣйшими чертами какъ свои кривды, такъ и свой противъ нихъ протестъ... Казацкая жизнь Украины принесла доблестные подвиги въ сокровищницу отечественной славы и записала великолѣпнѣйшія страницы отечественной исторіи; даже въ своихъ жестокостяхъ она была историческимъ, осязательнымъ предостереженіемъ народу объ источникахъ его гибели; съ другой стороны—польскимъ, блестящимъ обликомъ исторіи она предрекла ту будущность, которая разовьетъ наше перерожденіе и въ которую духомъ мы уже входимъ“. Уманскіе пріятели, Гоцинскій и Залескій, Грабовскій и Креховецкій, стояли за низверженіе монархіи, за республиканскій строй, за отмѣну крѣпостного права; возвеличивали добродѣтели простого народа, идеализировали старое днѣпровское казачество, сливали въ одно цѣлое его подвиги съ доблестью польскаго рыцарства.

Подъ вліяніемъ такихъ возрѣвнѣй образовалась украинская школа польской литературы. Появилась кучка писателей изъ бывшихъ воспитанниковъ уманскаго Базилянскаго училища, которые стали заявлять, что они украинцы, хотя и пишутъ по-польски. За ними пошли другіе поляки изъ юго-западнаго края. Эта школа оставила замѣтный слѣдъ въ польскомъ умственномъ движеніи и дала нѣсколько выдающихся талантовъ, какъ упомянутые школьные товарищи Северинъ Гоцинскій, Бог-

данъ Залескій, Михайль Грабовскій и др. Въ особенности Гоцинскій¹⁾ и Залескій²⁾ отличались поэтическимъ вдохновеніемъ и заняли видное мѣсто на польскомъ Парнасѣ; они воспѣвали то природу Украины, ея воздухъ, небо, лѣса, степи, поля, луга и рѣки, то разныя событія ея исторіи, на-примѣръ, возстаніе гайдамакъ. Залескій говаривалъ, что струны его лиры: Богъ, свѣтъ, Славянство, Польша, Украина. У Залескаго любовь къ родинѣ выражалась иногда въ грустныхъ, трогательныхъ стихахъ; на-примѣръ, въ рассказѣ о смерти отъ тоски по родинѣ дочери гетмана князя Ружинскаго („Smutna Krakowianka“):

I powtarzali długo potem ludzie:
„Nasz nie nawyknie do cudzego chleba,
Życ i umierać u nas mu potrzeba;
I oto Pan Bóg zapowiedział w cudzie,
Że Ukrainiec nie na Ukrainie,
I wiek przepłacze swój, i marnie zginie“.

(Т. е. И долго потомъ повторяли люди: „Нашъ не привыкнетъ къ чужому хлѣбу; и жить, и умирать ему нужно у насъ; и вотъ Господь Богъ заповѣдалъ въ чудѣ, что украинецъ не на Украинѣ и вѣкъ свой проплачетъ, и напрасно сгинетъ).

Одно изъ произведеній Гоцинскаго: „Каневскій замокъ“—озарено огнями гайдамацкихъ поджоговъ и полно крови, пролитой руками гайда-

¹⁾ Родился въ с. Ильинцахъ, Липовецкаго уѣзда, 4 ноября н. ст. 1801 г.

²⁾ Родился въ с. Богатыркѣ, Таращанскаго уѣзда, 2 февраля н. ст. 1802 г.

макъ¹⁾; оно родственно, по духу и краскамъ, „Гайдамакамъ“ Шевченка.

Я познакомилъ васъ съ этимъ общественнымъ и литературнымъ движеніемъ, такъ какъ оно объясняетъ многое въ дальнѣйшемъ развитіи украинофильства.

Послѣ неудачи возстанія 1831 года, когда всякія даже мечты о возстановленіи польскаго государства стали несбыточными и безнадежными, это движеніе какъ бы сошло со сцены. Важнѣйшіе представители его, Гоцинскій и Залескій, навсегда покинули Россію и кончили свои дни въ эмиграціи. Въ Парижѣ, въ 1834 г., бѣглецы основали было „Славянское Общество“ (Towarzystwo słowiańskie) для разработки, развитія и распространенія излюбленныхъ идей; на чужбинѣ оно скоро, однако, зачахло. Но зато движеніе сіе опять возродилось въ концѣ 1840-хъ годовъ въ Кіевѣ. Здѣсь собрался кружокъ молодыхъ людей, которые восприняли идеи, воодушевлявшія Гоцинскаго, Залескаго, Грабовскаго и др., а затѣмъ составили тайное общество подъ названіемъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства для проведенія ихъ въ жизнь. Идеализація стараго днѣпровскаго казачества и республиканскія стремленія поляковъ передъ 1830 г. — цѣликомъ отразились на возрѣвнѣяхъ братчиковъ. Каждый славянскій народъ, въ томъ числѣ и украинскій, долженъ имѣть отдѣльное

¹⁾ „A hajdamacy w zamek się wtoczyli, I w tejże chwili srogość rzezi cała Z blaskiem pożaru wkoło się rozlała“. (Т. е. А гайдамаки ворвались въ замокъ; и въ тотъ же мигъ весь ужасъ рѣзни разлился вокругъ вмѣстѣ съ заревомъ пожара).

народное правленіе, составлять отдѣльную Рѣчь-Посполитую (республику), „не слито съ другими“, распорядиться самостоятельно и независимо своими дѣлами,—такъ разсуждали братчики; во главѣ каждой республики долженъ стоять выборный „правитель“; крѣпостное право и всяческое порабощеніе низшихъ классовъ отмѣняются; всѣ граждане пользуются одинаковыми правами; сословныя преимущества упраздняются; въ республикахъ вводятся—свобода вѣры и личности, всеобщее обученіе, равное избирательное право, назначеніе чиновниковъ путемъ выборовъ и проч. Всѣ славянскія республики составляютъ федерацію, во главѣ которой стоятъ „славянское собраніе“ и выборный „правитель“ федераціи. Такимъ образомъ, братство оказывается въ тѣснѣйшей духовной связи съ тѣмъ уманскимъ кружкомъ Гоцинскаго, Залескаго и Грабовскаго, о которомъ мы раньше говорили. Въ этомъ нѣтъ рѣшительно ничего удивительнаго. Главными руководителями братства были четыре лица: Гулакъ, Костомаровъ, Кулишъ и Шевченко. Всѣ они находились подъ значительными польскими вліяніями. Н. И. Гулакъ, сынъ предводителя дворянства Золотоношскаго уѣзда, во время ученія въ Дерптскомъ университетѣ былъ окруженъ студентами-поляками, наполнившими Дерптскій университетъ послѣ закрытія Виленскаго. Отъ общенія съ ними сталъ онъ смотрѣть на кievскую Малороссію, какъ на область не русскую, а украинскую, а затѣмъ распространилъ это понятіе и на свою родную Полтавщину. Славянскія мечтанія образовались у него подъ впечатлѣніемъ лекцій проф. Ганзена, излагавшаго идеи Гердера и изслѣдованія о славянскихъ древностяхъ Шафарика.

Слабѣе другихъ братчиковъ подчинялся польскимъ понятіямъ Н. И. Костомаровъ, уроженецъ Острогожскаго уѣзда, Воронежской губерніи, но общее теченіе мыслей кружка отражалось и на немъ. Къ тому же въ это время онъ собирался жениться на дѣвушкѣ изъ польской семьи, г-жѣ Крагельской.

П. А. Кулишъ, родомъ изъ Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи, въ молодости жилъ въ общеніи съ тремя учеными поляками: Руликовскимъ, Свидзинскимъ и Грабовскимъ. Въ долгихъ бесѣдахъ съ этими людьми онъ воспринялъ тѣ ученія, какія были выработаны польско-украинскою литературною школою. Чтобы отмѣтить вліяніе Свидзинскаго, Кулишъ подписалъ подъ „Орысею“, самымъ раннимъ произведеніемъ своимъ на малорусскомъ нарѣччі: „писано въ Ходорковѣ у Свидзинскаго“.

Т. Г. Шевченко, живя еще во дворѣ помѣщика Энгельгардта въ Звенигородскомъ уѣздѣ, научился говорить и писать по-польски, въ Варшавѣ же, обучаясь живописи у портретиста Лампи, еще болѣе усовершенствовался въ этомъ языкѣ. Духовной пищей Шевченка въ ту юную пору его жизни была польская революціонная поэзія, предшествовавшая возстанію 1830 года; она навсегда оставила слѣдъ въ мятежной душѣ малорусскаго пѣвца. Его поэзія полна злобы и ненависти, остріе которыхъ направлено противъ Бога, Царя и Россіи. Съ поляками въ ссылкѣ Шевченко особенно дружилъ. Сохранился доселѣ рисунокъ, изображающій Шевченка въ группѣ товарищей по ссылкѣ поляковъ. Къ одному изъ нихъ, Брони-

славу Залескому, онъ написалъ извѣстное четверостишіе:

Подай же руку козакови,
И сердце чыстее подай,
И знову именемъ Хрыстовымъ,
Возобновымъ нашъ давній рай,—

какъ будто этотъ рай существовалъ когда-либо для малороссіянъ подъ польскимъ игомъ.

Такимъ образомъ, воззрѣнія Кирилло-Меѳодіевскаго братства шли не изъ русскаго источника, а изъ польскаго. Члены его совершенно забыли, что цѣлые вѣка Малороссія боролась противъ Польши, чтобы отстоять свои русскія начала, чтобы имѣть право быть Малой Россіей, а не польскою Украиною; они усвоили себѣ отъ поляковъ такое воззрѣніе, будто по обѣ стороны Днѣпра не русская, а иная народность живетъ, украинская, которая съ русской народностью не имѣетъ ничего общаго, а скорѣе можетъ быть причислена къ народу польскому. Позднѣ взгляды кружка на племенные отношенія между русскимъ югомъ и русскимъ сѣверомъ, въ нѣсколько смягченномъ видѣ, были изложены Костомаровымъ въ статьѣ: „Двѣ русскія народности“, гдѣ утверждается, будто единой русской народности нѣтъ, а есть двѣ народности: сѣверно-русская и южно-русская (или, по новѣйшей терминологіи, два народа: російскій и украинскій), хотя потомъ доказывается органическая необходимость союза и взаимодѣйствія обихъ русскихъ племенъ. Кирилло-Меѳодіевское братство носило тайный характеръ, было конспиративнымъ кружкомъ; когда существованіе его сдѣлалось извѣстнымъ правительству, оно отнеслось къ

членамъ этого кружка, какъ къ заговорщикамъ, и разослало ихъ по отдаленнымъ городамъ; только Шевченко былъ отданъ въ солдаты. Въ позднѣйшее время послѣдователи „украинской“ идеи, какъ увидимъ дальше, организовались въ видѣ тайной политической партіи.

Когда въ концѣ 1850-хъ годовъ бывшіе члены Кирилло-Меѳодіевскаго братства были возвращены изъ ссылки, то они появились въ Петербургѣ и начали издавать журналъ „Основа“, причемъ руководящія роли играли П. А. Кулишъ, В. М. Бѣлозерскій и Н. И. Костомаровъ. Журналъ сталъ на почву идей братства, но, по цензурнымъ условіямъ, не могъ выступить съ опредѣленною политическою программою, а ограничился печатаніемъ литературныхъ произведеній на малорусскомъ нарѣчій, да подборомъ доказательствъ того взгляда, что малорусскій народъ имѣетъ право на развитіе отдѣльной отъ народа великорусскаго культуры. Излюбленный братчиками федеративный принципъ государственнаго устройства былъ освѣщенъ Костомаровымъ въ примѣненіи къ древней Руси въ статьѣ: „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси“. Сначала „украинское“ сепаратическое движеніе сосредоточилось въ Петербургѣ, но потомъ оно перешло въ провинцію, гдѣ образовалось нѣсколько такъ называемыхъ „громадъ“, — тайныхъ кружковъ, которые продолжали разрабатывать мечты братства о демократическомъ и федеративномъ устройствѣ государственной жизни у славянскихъ племенъ, и въ частности у народа „украинскаго“. Такіе кружки образовались въ Кіевѣ, Полтавѣ, Харьковѣ и Одессѣ. Въ Полтавѣ главнымъ дѣятелемъ явился старый братчикъ, пре-

подаватель кадетскаго корпуса, Д. П. Пильчиковъ. Онъ старался распространять свои демократическія идеи среди полтавской молодежи. Его довольно важная роль въ исторіи украинофильства заключается въ томъ, что онъ явился главнымъ инициаторомъ устройства въ Галиціи Общества (товариства) имени Шевченка. Въ Полтавѣ Пильчиковъ привлекъ къ своему дѣлу богатую даму, Елисавету Ивановну Милорадовичъ, которая охотно занималась благотворительностью, увлекалась демократизмомъ и попала подъ вліяніе Пильчикова и нѣкоторыхъ его пріятелей (Стронина, Конисскаго и др.). Хотя она не была посвящена во всѣ подробности дѣла, и хотя самъ Пильчиковъ относился къ ней довольно пренебрежительно, какъ къ кошельку, откуда можно черпать средства, но она дала въ распоряженіе Пильчикова весьма значительную сумму денегъ (9.000 гульденовъ), которую Д. П. Пильчиковъ отвезъ въ 1873 году во Львовъ, гдѣ и основалъ, съ помощью пожертвованія г-жи Милорадовичъ, Общество имени Шевченка, которое сыграло (и играетъ и теперь) очень большую роль въ исторіи украинскаго движенія.

Въ кievской „Старой Громадѣ“, въ половинѣ 1870-хъ годовъ, наиболѣе выдающимися людьми были историки, доценты университета, М. П. Драгомановъ (полтавецъ) и В. Б. Антоновичъ (полякъ), и этнографъ П. П. Чубинскій (полтавецъ), одаренный поэтическимъ талантомъ, авторъ „украинскаго“ гимна: „Ще не вмерла Украина“, написаннаго по образцу польскаго гимна: „Jeszcze Polska nie zginęła“. Ихъ стараніями открытъ былъ въ Кіевѣ Юго-Западный отдѣлъ Русскаго Географі-

ческаго общества, въ составъ котораго вошли почти всѣ члены „Старой Громады“. По мысли П. П. Чубинскаго, подъ его руководствомъ, организована была этнографическо-статистическая экспедиція въ Юго-Западный край и Полтавскую губернію для собиранія памятниковъ устнаго народнаго творчества: пѣсенъ, сказокъ, преданій, пословиць, свадебныхъ и похоронныхъ обрядовъ и проч. Собранные матеріалы были впоследствии изданы (III, IV и V томы — подъ редакціей Н. И. Костомарова) на средства Географическаго общества.

М. П. Драгомановъ и В. Б. Антоновичъ работали, между тѣмъ, политическую сторону украинофильскаго движенія; они стремились облечь мечтанія Кирилло-Мефодіевскаго братства въ формы новѣйшихъ соціально-политическихъ ученій. Драгомановъ, какъ говоритъ его біографъ, „приходилъ къ украинству, исходя изъ созданныхъ европейской цивилизаціей общечеловѣческихъ идеаловъ, въ частности изъ принциповъ политическаго радикализма и демократизма“. Говоря проще, М. П. Драгоманова гораздо меньше интересовалъ вопросъ, на какомъ языкѣ будутъ говорить и писать въ Малороссіи, нежели вопросъ о томъ, какими путями дѣстичь того идеальнаго строя, какой ему грезился послѣ разрушенія всего современнаго государственнаго и общественнаго порядка вещей. Строй этотъ представлялся ему въ такомъ видѣ: „Община должна быть союзомъ вольныхъ людей. Дойти до того, чтобы союзы людей, какъ большіе, такъ и малые, состояли изъ такихъ свободныхъ людей, которые добровольно сошлись для общей работы и взаимной помощи, — это и есть та цѣль, къ которой стремятся люди, и ко-

Торая не имѣетъ ничего общаго съ современными государствами, каково бы ни было ихъ устройство, являются ли они представительными, или не представительными. Эта цѣль называется анархіей (безначальствомъ); она состоитъ въ 'свободѣ каждаго человѣка и въ свободной ассоціаціи или союзѣ людей и общинъ'. Ближайшею цѣлью онъ ставилъ: „добиваться отмѣны царскаго и бюрократическаго самовластія, которыя, несомнѣнно, будутъ замѣнены представительнымъ правительствомъ, т. е. конституціоннымъ строемъ“. Тогда удобнѣе будетъ заниматься пропагандой социаль-демократическихъ идей. Практичнѣе всего вести пропаганду на „украинскомъ“ языкѣ. Каждый искренній демократъ и радикаль, работающій на Украинѣ и среди украинскаго народа, долженъ становиться украинцемъ. Вотъ почему явилась такая несообразность, что господа изъ жидовъ: Рубинштейны, Беренштамы, и имъ подобные,—безцеремонно записались въ „украинцы“.

В. Б. Антоновичъ создалъ особую историко-философскую теорію, которая должна была объяснить, почему дѣятелямъ украинства слѣдуетъ придерживаться наиболѣе демократическихъ, республиканскихъ воззрѣній. Теорія эта, покоящаяся на мысли московскихъ славянофиловъ, что каждому народу присуща одна какая нибудь своя государственная форма быта,—вѣроятно, никогда не будетъ принята наукою, но она интересна, какъ образецъ модныхъ одно время воззрѣній. „Если мы начнемъ присматриваться“,—говоритъ онъ въ одномъ сочиненіи, — „къ исторіи разныхъ народовъ, то замѣтимъ, что каждый народъ въ своемъ политическомъ быту проявляетъ свойственную ему

руководящую идею, которая находится въ зависимости частью отъ причинъ антропологическихъ, расовыхъ, частью отъ разныхъ условій и вліяній, создаваемыхъ занятою народомъ территоріею, его прошлою жизнью и историческою культурою. Руководящая идея народа можетъ шире всего и лучше всего проявиться во время самостоятельной политической жизни народа. Если мы пристальнѣе присмотримся къ тѣмъ двумъ народамъ, которые живутъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ народомъ украинскимъ, то въ ихъ политическомъ стремленіи и общественномъ устройствѣ мы ясно увидимъ руководящую идею cadaго изъ нихъ. Относительно великорусскаго народа мы видимъ, что его руководящую идею составляетъ принципъ авторитета государственной власти, которую великорусскій народъ уважалъ настолько, что всегда отрекался въ пользу ея отъ всѣхъ личныхъ свободъ. Эта идея отвѣчаетъ основнымъ инстинктамъ народа, потому что она требуетъ одной главы, которая, никого не спрашивая и не обращая ни на кого вниманія, самодержавно управляетъ всѣмъ обществомъ. Поэтому, безошибочно можно утверждать, что у великорусскаго народа руководящею идеею всегда было Самодержавіе. Съ помощью послѣдняго этотъ народъ былъ въ состояніи организовать прочное государство и подчинить себѣ другіе народы, даже такіе, которые имѣли совсѣмъ иныя руководящія идеи. Второй народъ, польскій, пошелъ инымъ путемъ: онъ выдѣлилъ изъ себя привилегированное сословіе и далъ ему возможность все общественное богатство забрать на свои надобности и обратить его въ свою пользу. Тутъ руководящею идеею является уже прин-

ципъ аристократизма. Однако, Польша не превратилась въ такую олигархію, какою была, напримеръ, венеціанская республика въ средніе вѣка; она является образцомъ демократической аристократіи, хотя на первый взглядъ это и кажется страннымъ. Украинскому народу, который сидѣлъ по срединѣ между народами польскимъ и великорусскимъ, пришелся по сердцу третій принципъ — принципъ вѣчевой, принципъ широкаго демократизма и признанія за каждою человѣческою личностью равныхъ для всѣхъ политическихъ правъ. Украинскому народу никогда не пришлось цѣликомъ и вполнѣ проявить свою руководящую идею; ему случалось только инстинктивно къ ней стремиться: въ древности, во времена княжескія, въ строѣ вѣчевомъ, общинномъ и приходскомъ съ выборнымъ духовенствомъ; спустя нѣкоторое время — въ судебномъ строѣ такъ называемыхъ конныхъ судовъ; наконецъ, эта руководящая идея очень рельефно выразилась въ казачествѣ, и еще отчетливѣе, въ смыслѣ проведенія ея въ жизнь, — въ Сѣчи Запорожской“.

Далѣе авторъ этой исторической философіи разсуждаетъ, что легче всего осуществить въ дѣйствительности идею Самодержавія, труднѣе — идею аристократизма и, наконецъ, всего труднѣе — демократическую идею. „Для того“, — говоритъ В. Б. Антоновичъ, — „чтобы принципъ демократизма приобрѣлъ преобладающую силу и мощность, необходимо, чтобы масса общества достигла высокой ступени культурнаго развитія и искренно убѣдилась въ правдивости идеи; отъ людей всѣхъ слоевъ общества требуются великія личныя жертвы въ пользу общества. При низкой степени культуры,

когда личная выгода отдѣльныхъ людей беретъ верхъ надъ общественными интересами, демократія не можетъ развиваться и одержать побѣду“. Руководящая демократическая идея украинскаго народа не могла осуществиться въ эпоху Хмельницкаго, по мнѣнію его, вслѣдствіе слабаго культурнаго развитія народныхъ массъ. Глубоко убѣжденный въ существованіи особаго „украинскаго“ народа, В. Б. Антоновичъ завѣщаетъ своимъ послѣдователямъ работать надъ развитіемъ его національной культуры и вѣрить, что съ поднятіемъ культурнаго уровня низшихъ слоевъ народа осуществится и его руководящая идея: принципъ широкаго демократизма.

В. Б. Антоновичъ, какъ полякъ, совершенно не имѣлъ русскаго національнаго чувства, и, на примѣръ, вся исторія возвышенія Москвы, поведшая къ собиранію и сплоченію въ одно цѣлое разрозненныхъ частей русскаго народа, была ему глубоко ненавистна. Напротивъ, такъ называемая Ягеллонская идея, идея федераціи, соединенія на началахъ свободы и равноправія, трехъ политическихъ тѣлъ: Польши, Литвы и Руси, всегда его привлекала. Вопросъ о созданіи въ Малороссіи втораго языка культуры и образованности, вмѣсто общерусскаго, параллельно съ демократизаціей ея строя, не имѣлъ ни для М. П. Драгоманова, ни для В. Б. Антоновича первенствующаго значенія. Оба охотно ссылались на примѣръ Ирландіи, гдѣ идетъ горячая борьба съ Англіей за политическую автономію и за демократическія начала, хотя все населеніе Ирландіи говоритъ по-англійски. При этомъ упускалась изъ виду религіозная рознь: ирландцы исповѣдуютъ католицизмъ, тогда какъ

англичане — ярые противники римской церкви; между тѣмъ Малороссія и Великороссія — едино-вѣрны.

Бывая въ Галиціи, еще до окончательнаго выѣзда своего изъ Россіи въ качествѣ эмигранта, М. П. Драгомановъ привлекъ къ своимъ воззрѣніямъ двухъ молодыхъ людей: Ивана Франка и Михаила Павлика, которые не только приняли аграрно-соціалистическую программу Драгоманова, но и прониклись убѣжденіемъ, что работа для народа и въ его интересахъ можетъ вестись только на народномъ языкѣ, т. е. въ Галиціи — на мѣстномъ малорусскомъ нарѣчїи. Священникъ Качала, ничего не имѣвшій противъ письменнаго употребленія мѣстнаго нарѣчїя, пробовалъ было бороться съ этимъ соціалистическимъ направленіемъ, столь враждебнымъ религіи и основамъ общества. Но М. П. Драгомановъ подбилъ 45 членовъ кїевской „Громады“ подписать протестъ противъ дѣйствій Качалы; въ немъ члены „Громады“ заявляли, что не могутъ имѣть ничего общаго въ политическомъ отношеніи ни съ галицкими „москалями“, ни съ сторонниками Качалы, ибо основами украинской политики являются только: раціонализмъ въ культурѣ, федерализмъ въ политикѣ и демократизмъ въ общественныхъ дѣлахъ. Воззваніе кїевлянъ оказало значительное вліяніе на укрѣпленіе направленія „академическаго кружка“ Франка и Павлика.

Когда въ 1876 г. воспрещено было печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на малорусскомъ нарѣчїи, за исключеніемъ историческихъ документовъ и произведеній изящной словесности, когда былъ за-

крыть Юго-Западный отдѣлъ Географическаго общества и, такимъ образомъ, уничтоженъ былъ центръ, около котораго сосредоточились „украинскіе“ дѣятели, то явилась мысль, нельзя ли перенести всю „украинскую“ политическую и культурную дѣятельность на почву Галиціи, гдѣ, благодаря стараніямъ Д. П. Пильчикова, образовалось Общество имени Шевченка. Мало по малу, такъ и устроилось. Съ 1885 г. Общество имени Шевченка взяло на себя изданіе еженедѣльной литературной газеты „Зоря“, въ которой стали появляться беллетристическія произведенія писавшихъ по-малорусски кіевлянъ, полтавцевъ, черниговцевъ и т. д. Для ученыхъ, писавшихъ по-малорусски, организована была въ Обществѣ имени Шевченка научная работа. Средства для издательской дѣятельности доставлялись изъ Россіи.

Извѣстно, что съ устройствомъ въ Австріи представительныхъ учрежденій поляки заняли важное и вліятельное положеніе въ конституціонной жизни Австрійской имперіи, что на нихъ часто опиралось австрійское правительство въ парламентскихъ затрудненіяхъ, и что польскіе аристократы получили большое вліяніе при австрійскомъ дворѣ; Галиціи предоставлена была почти полная автономія, но съ передачей власти въ автономныхъ присутственныхъ мѣстахъ въ руки поляковъ; изъ ихъ среды назначается и императорскій намѣстникъ. По мѣрѣ того, какъ въ Галиціи развивалась политическая жизнь, образовалось среди русскихъ нѣсколько идейныхъ теченій, которыя сгруппировались около двухъ партій. Такъ называемая „русская народная“ партія исповѣдуетъ, на основаніи науки, дѣйствительной жизни и глубокаго убѣ-

жденія, національное и культурное единство всего русскаго народа, а посему признаеть своими плоды тысячелѣтней культурной работы всего русскаго народа. Она твердо убѣждена въ необходимости для русскаго населенія Австріи образованія и развитія безъ разрыва связи съ традиціонными основами русскаго народа и вѣритъ, что только на культурно-исторической почвѣ лежать пути къ развитію и возвышенію австро-русскихъ областей. Эту партію поляки и „украинцы“ называютъ иначе „москвофильской“ или „москалефильской“. Вторая партія, „укаринофильская“, иначе „народовецкая“ или „радикальная“, была основана, въ видѣ „академическаго кружка“, какъ мы упомянули раньше, Иваномъ Франкомъ и Михаиломъ Павликсмъ, подъ вліяніемъ М. П. Драгоманова. Она стремилась осуществить идею развитія всего малорусскаго племени отдѣльно отъ прочаго русскаго міра, и притомъ на самыхъ крайнихъ социаль-демократическихъ началахъ. Главнымъ образомъ, она боролась съ клерикализмомъ и вообще съ преобладаніемъ духовенства въ народной жизни Галиціи. Изъ непримиримой ненависти къ Россіи и ко всему русскому правящіе поляки согласны были бы поддерживать вторую партію, но ея социалистическія крайности, а въ особенности стремленіе къ отчужденію земли въ пользу крестьянъ, пугали ихъ: большая часть правящихъ поляковъ принадлежала къ числу крупныхъ землевладѣльцевъ. Тутъ выступилъ на сцену В. Б. Антоновичъ въ роли гетмана, недоброй памяти, Ивана Евстафіевича Выговскаго. Онъ раздѣлялъ убѣжденіе кievской „Громады“, что самое широкое развитіе народной жизни въ Галиціи лежитъ въ интересахъ „укра-

инскаго“ дѣла. Такъ какъ условія этого развитія находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ того положенія, какое займетъ по отношенію къ нему австрійская правительственная власть, переданная въ Галиціи въ руки польскихъ консерваторовъ, то надлежитъ де стремиться къ соглашенію именно съ консервативными кругами. Вслѣдствіе того, что В. Б. Антоновичъ имѣлъ связи среди польской аристократіи Юго-Западнаго края, ему, черезъ ея посредство, удалось войти въ соприкосновеніе съ правящими сферами Галиціи, и въ частности съ графомъ Бадени. Начались переговоры, которые должны были привести къ заключенію формальнаго соглашенія между галиційскими властями и „украинофильской“ партіей. Для подготовки почвы возобновлена была газета „Правда“ (1887), редакцію которой взялъ на себя Александръ Барвинскій. Газета высказывалась за примиреніе съ поляками, подъ которыми подразумѣвала, главнымъ образомъ, польскихъ магнатовъ, проводила австрійскіе взгляды, распространяла идею „украинскаго“ націонализма и являлась изданіемъ рѣзко-враждебнымъ Россіи. Подготавливаемое въ величайшей тайнѣ соглашеніе было, наконецъ, обнародовано въ 1889 г. въ галиційскомъ сеймѣ, въ программной рѣчи Юліана Романчука. „Украинцы“ отказывались отъ общественно-политическаго радикализма, но зато получали рядъ уступокъ культурнаго и экономическаго характера. Въ томъ числѣ—открывалась кафедра исторіи Восточной Европы съ преподаваніемъ на „украинскомъ“ языкѣ. Кандидатомъ на эту кафедру былъ предложенъ В. Б. Антоновичемъ его ученикъ, сынъ извѣстнаго педагога, автора разошедшагося по Россіи въ милліо-

нахъ экземпляровъ учебника: „Первая учебная книга церковно-славянскаго языка“, С. Θ. Грушевскаго, магистръ русской исторіи М. С. Грушевскій, который въ 1894 году появился во Львовѣ, чтобы начать новую эру въ развитіи украинофильства; онъ сдѣлался императорско - королевскимъ профессоромъ Львовскаго университета.

Основавшись во Львовѣ, проф. Грушевскій началъ съ того, что разорвалъ отношенія съ поляками, хотя попалъ на кафедру, благодаря ихъ настояніямъ передъ австрійскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и сталъ вести съ ними самую ожесточенную борьбу.

Затѣмъ проф. Грушевскій отбросилъ всякія колебанія относительно названій, какія исторически образовались для разныхъ частей западной и южной Руси: Угорская Русь, Буковина, Галиція или Червонная Русь, Холмщина, Подляшье, Черная Русь, Волынь, Подолье, Кіевская Украина, Лѣвобережная Малороссія, Слободская Украина, Кубань, Черноморье; онъ отвергъ ихъ всѣ и замѣнилъ однимъ, наиболѣе неподходящимъ: „Украина“, слѣдуя въ этомъ польскому обычаю, установившемуся твердо только съ конца XVIII вѣка, съ появленія въ свѣтъ историко-этнографическихъ сочиненій графа Яна Потоцкаго и съ учрежденія комиссіи „Эдукаціи Народовой“. „Украину“ онъ раздѣлилъ на Россійскую и Австрійскую; народъ, населяющій эти коренныя русскія области, онъ назвалъ „украинскимъ“. „Необходимо“, — по словамъ проф. Грушевскаго, — „чтобы галицкій верховинець (горець) и херсонскій степовикъ (степнякъ), Буковинець и Заднѣпровецъ, Кубанецъ и Холмщакъ, Угорскій Русинъ и Слобожанинъ одинаково чувствовали

себя членами и гражданами единой украинской земли, и въ несхожихъ обитателяхъ различныхъ частей Украины видѣли своихъ земляковъ, членовъ одной націи, одного народа“. Съ начала XX в. вездѣ и на каждой страницѣ украинофильскихъ печатныхъ органовъ запестрѣли тысячи словъ: „Украина“, „украинскій“; водворилась „украинская“ мода. Проф. Грушевскій ввелъ даже въ обычай зубоскалить надъ малороссіянами, называющими себя этимъ народнымъ именемъ, заключая въ кавычки яко-бы ихъ слова: „мы тоже малороссы“.

Далѣе проф. Грушевскій окончательно рѣшилъ вопросъ о языкѣ въ томъ смыслѣ, что общерусскій языкъ, какъ органъ государственной жизни, суда, школы, науки, литературы и высшей образованности, яко-бы непонятенъ и не годится для западныхъ и южныхъ поселеній русскаго народа, и что поскорѣе нужно выковать для вновь изобрѣтеннаго „украинскаго“ народа новый также „украинскій“ языкъ. Раньше малорусское нарѣчіе обрабатывалось литературно только въ поэзіи, преимущественно лирической и юмористической, въ народной драмѣ, въ повѣстяхъ и рассказахъ изъ простонароднаго быта, да въ предназначенныхъ для простонародья поучительныхъ брошюрахъ. Попытки П. А. Кулиша писать на этомъ нарѣчій исторію не получили широкаго развитія. Планъ построенія новаго искусственнаго языка заключался, во-первыхъ, въ томъ, чтобы изгнать изъ обихода весь тотъ церковно-славяно-русскій лексическій, словарный матеріалъ, который составляетъ важнѣйшую часть словооборота историческаго общерусскаго языка, созданнаго трудами и усиліями столько же русскихъ сѣверянъ, сколько

и южанъ, и замѣнить его матеріаломъ польскимъ, съ соблюденіемъ, гдѣ нужно, правилъ русскаго словопроизношенія (просодіи); какъ будто рѣшено было возвратиться къ языку проповѣди о. Игнатія Оксеновича-Старушича, образецъ котораго мы приводили выше; любимый призывъ проф. Грушевскаго: „вырвать украинскую культуру изъ славянскаго мракобѣсія, славянскихъ объятій, которыя стремятся задушить украинскую жизнь“; вотъ нѣсколько первыхъ попавшихся примѣровъ изъ писаній проф. Грушевскаго: вм. движеніе—рухъ (*ruch*), вм. искусство—штука (*sztuka*), вм. начало—початокъ (*rozczątek*), вм. желаніе—жаданье (*żądanie*), вм. убѣжденіе—переконанье (*przekonanie*), вм. исключеніе—вылученье (*wyłączenie*), вм. вопросъ—пытанье (*pytanie*), вм. примѣръ—прикладъ (*przykład*), вм. выдержка—вытривалисть (*wytrwałość*), вм. источникъ—жерело (*źródło*), вм. вѣтвь—галузя (*gałąź*), вм. тяжесть—тягаръ (*ciężar*), вм. сомнѣваться—вомпить (*wątpić*), вм. соединить—злучыты (*złączyć*), вм. довольно—досыть (*dosyć*) и т. д.; число примѣровъ можно умножить до тысячъ. Исчерпавъ словарь польскій, проф. Грушевскій обращается къ словарямъ латинскому и французскому; отсюда у него: вм. почести—гоноры, вм. вожделѣніе—аспирація, вм. цвѣтъ—колёръ, вм. крайность—экстраваганція, вм. заключеніе—конклюдзія, вм. утонченный—вырафиннованный, вм. блѣдный—анемичный (напримѣръ, „досыть анемичный характеръ“=довольно блѣдный характеръ—политики Даніила Галицкаго), вм. тяготѣть—гравитоваты, вм. обсуждать—трактоваты, вм. послѣдовательно=консеквентно и проч.; не оставленъ безъ вниманія и словарь нѣмецкій; латинскія, французскія и нѣмецкія слова часто за-

имствуются не непосредственно, а черезъ языкъ польскій; напр., вм. крыша — дахъ (нѣм. Dach, польск. dach), вм. краска--фарба (нѣм. Farbe, польск. farba). Примѣровъ тоже можно набрать сотни, если не тысячи. А вотъ, на примѣръ, цѣлая фраза изъ одной статьи проф. Грушевскаго. Обращаясь къ „украинцамъ“, онъ говоритъ, что имъ „потрибна тилькы діяльнисть, вытривалисть, поважанье до себе й до свого народу“=potrzebna tylko działalność, wytrwałość, poważanie do siebie i do swego narodu. Во 2-хъ, изъ новаго „украинскаго“ языка тщательно вытравливается всякій русскій духъ и въ него вводятся синтаксисъ и стиль, возможно близкіе къ польскимъ; русскою въ этомъ, перелицованномъ съ польскаго, уродливомъ языкъ оставяется только этимологія (словопроизведеіе), да и послѣдняя умышленно затемняется принятіемъ, вмѣсто историческаго, фонетическаго правописанія, такъ называемой „кулишовки“, съ дополненіемъ ея нѣсколькими, вновь придуманными, буквами и значками.

Мѣтко писалъ когда-то о послѣдователяхъ „кулишовки“ одинъ изъ умнѣйшихъ русскихъ публицистовъ—Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. „Кулишовка“,— говорилъ онъ,—„есть умышленное, нарочитое отреченіе отъ родства съ современными соплеменниками и съ умственной исторіей предковъ. Имъ (т. е. украинофиламъ) приходится начинать собою культуру своего народа. Бѣдные: тѣмъ самымъ они лишаютъ себя умственной будущности; они будутъ вѣчными недоносками. Это непокорные сыновья, отдѣлившіеся отъ родовой богатой семьи и начавшіе самостоятельную жизнь безъ капитала. Имъ не на что избу выстроить. Для са-

МЫХЪ ХОДЯЧИХЪ ПОНЯТІЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА, У НИХЪ НѢТЬ ВЫРАЖЕНІЯ; *они вынуждены сочинять; должны заимствовать, выковывать новые неслыханные термины,* которые, по внѣшнему виду, какъ будто родные, но еще болѣе непонятны малороссу, чѣмъ обыкновенное русское, по-ихнему москальское слово; потому что это москальское слово, или даже только по-москальски написанное, уже ведетъ за собою цѣлый міръ воспоминаній, обнимающихъ и современное, и древнее человѣчество, и разомъ, однимъ начертаніемъ нѣсколькихъ линій, умственно причащающее къ общечеловѣческой культурѣ. *Племенной сепаратизмъ въ азбуку,—замѣтьте, даже въ азбуку, не только въ языкъ,—есть племенное умственное самоумерщвление.* Но такова праведная кара, постигающая всякую заносчивость. Сила— въ единствѣ и въ общеніи; въ общеніи единственно возможны жизнь и развитіе. Нужно это помнить и поставить потому за правило въ употребленіи языка вообще чтить родителей, тѣмъ болѣе, что каждый изъ насъ лично есть только наслѣдникъ и соучастникъ въ общемъ языкѣ. А тѣмъ болѣе *должно справляться съ родствомъ въ письменномъ употребленіи языка.* Если языкъ во всемъ составѣ вообще не намъ принадлежитъ, а мы ему, то еще менѣе принадлежитъ намъ языкъ письменный, и даже не только языкъ, но каждое отдѣльное реченіе. Живое слово еще наше, пока произносится, но съ того момента, какъ заключилось въ букву, оно перестаетъ быть нашимъ и чьимъ-либо. Оно—самостоятельное существо, хотя вышедшее изъ нашихъ устъ и нашей души. Оно въ насъ болѣе не нуждается: не нашъ голосъ и ин-

тонація, не нашъ почеркъ даютъ ему сущность, а отношеніе его къ языку вообще, къ словарному составу языка, къ его грамматическимъ законамъ, къ его исторіи: она его душа и жизнь“.

Одновременно съ изготовленіемъ языка проф. Грушевскій занялся перестройкой существовавшего во Львовѣ съ 1873 г., какъ мы упоминали раньше, ученаго Общества имени Шевченка, „головой“ (предсѣдателемъ) котораго въ 1898 г. онъ былъ избранъ, — придавъ ему подобіе Академіи наукъ съ тремя отдѣленіями: историко-философскимъ, филологическимъ и естественно-медицинскимъ. На вновь выкованномъ языкѣ былъ предпринятъ цѣлый рядъ изданій Общества; начали выходить его „Записки“, „Этнографическій Сборникъ“, „Источники украинской исторіи“, „Памятники украинскаго языка и литературы“, „Юридическая и экономическая лѣтопись“ (заглавія переводимъ), наконецъ, съ конца 1897 года, первый „украинскій“ толстый журналъ „Литературно-научовый Вистныкъ“. На томъ же „украинскомъ“ языкѣ проф. Грушевскій написалъ многотомную пространную исторію Украины; въ сокращенномъ видѣ она издана была по-русски подъ заглавіемъ: „Очеркъ исторіи украинскаго народа“; за послѣднюю книгу проф. Грушевскій получилъ отъ С.-Петербургской Императорской Академіи наукъ, по рецензіи проф. Корсакова, награду графа Уварова, не смотря на то, что книга отравлена злобною ненавистью къ Россіи и заключаетъ въ себѣ тенденціозную передѣлку въ нужномъ проф. Грушевскому направленіи всей русской исторіи. Странное недоразумѣніе; Россійская Академія Наукъ

освящаетъ своимъ авторитетомъ ученый походъ противъ Россіи!

Наконецъ, проф. Грушевскій взялся привести въ порядокъ политическую жизнь украинофильскаго лагеря въ Галиціи. Въ началѣ 1900 г. ему удалось различныя теченія галицкаго украинофильства слить въ одну національно-демократическую партію съ ея кличемъ: „Украина безъ хлопа и пана“. Въ этой партіи остались только крайніе радикалы подъ предводительствомъ адвоката изъ Коломыи Кирилла Трылѣвскаго, которыхъ основной идеей является: „Украина безъ хлопа, попа и пана“; да такъ называемые Барвинчуковцы (сторонники Александра Барвинскаго) съ кличемъ: „Украина на католическихъ началахъ и въ связи съ Западомъ“. Виднымъ и энергичнымъ дѣятелемъ послѣдняго направленія является и галицкій уніатскій митрополитъ Андрей графъ Шептицкій, занявшій кафедру въ 1901 г. Украинская національно-демократическая партія является въ настоящее время наиболѣе сплоченной и сильной партіей въ Галиціи. На выборахъ 1907 г. ея кандидаты собрали 267,617 голосовъ, между тѣмъ, какъ кандидаты радикаловъ получили—79,648, а „москвофиловъ“ — 170,883. По своимъ политическимъ стремленіямъ она почти совпадаетъ съ нашей конституціонно-демократической партіей (съ „кадетами“ или „кадэками“). На ея знамени написано: сліяніе „украинскихъ“ областей Австріи въ одно автономное политическое тѣло; демократизація правительственныхъ учрежденій; отчужденіе частно-владѣльческихъ земель въ пользу малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ; прогрессивный подоходный налогъ съ освобожденіемъ отъ

него minimum'a existentiae; сокращение срока военной службы и вообще борьба съ милитаризмомъ; всеобщее бесплатное обучение; открытіе во Львовѣ „украинскаго“ университета; выборъ священниковъ прихожанами и т. д. Органомъ ея служить газета „Дило“. Проф. Грушевскій, наладивши дѣятельность партіи, самъ впоследствии отошелъ въ сторону отъ партійной политики. Вождемъ партіи является въ настоящее время членъ Вѣнскаго парламента Константинъ Левицкій.

Послѣ указа 17 октября 1905 г. проф. Грушевскій началъ раздѣлять свою дѣятельность между Львовомъ и Кіевомъ. Въ Кіевѣ онъ основалъ, по примѣру Шевченковскаго львовскаго, Украинское ученое Общество, въ которомъ, какъ и во львовскомъ, состоитъ „головою“ (предсѣдателемъ). Общество издаетъ свои „Записки“ подъ редакціей Комитета, въ составъ котораго, кромѣ проф. Грушевскаго, входятъ теперь проф. Перетць (тоже— „украинецъ“!) и г. Михальчукъ. Въ Кіевѣ выходитъ съ 1907 г. второе издание „Литературно-научоваго Вистныка“, параллельное львовскому изданію По мысли проф. Грушевскаго, дѣйствуютъ въ Кіевѣ и нѣкоторыя иныя „украинскія“ учрежденія, какъ, напримѣръ, „Украинскій клубъ“, книжный магазинъ („кныгарня“—księgarnia) „Литературно-научоваго Вистныка“.

Проф. Грушевскій сумѣлъ создать себѣ небывалое еще доселѣ международное положеніе, ставъ какъ бы выше подданства Россіи или Австріи. Вездѣ онъ является представителемъ изобрѣтеннаго имъ „украинскаго“ народа и вездѣ заставляетъ себя слушать. Особенно охотно слѣдуетъ его внушеніямъ Императорская Академія Наукъ

въ Петербургѣ. Правительству русскому онъ, какъ договаривающаяся сторона, предъявляетъ прямо требованія. Вотъ какъ они изложены въ одной изъ его статей („Наши требованія“):

„Вѣрные завѣтамъ украинскаго освободительнаго движенія, выдвинувшаго федеративный принципъ, какъ основаніе будущаго устроенія отношеній политическихъ и національныхъ, и неизмѣнно проводившаго его, начиная съ т. н. Кирилло-Меѳодіевскаго братства, мы признаемъ федеративныя формы наиболѣе совершеннымъ способомъ сочетанія государственнаго союза съ интересами свободнаго и нестѣсненнаго развитія національной жизни, но въ настоящемъ настаиваемъ на осуществленіи принципа *національно-территоріальной автономіи*, какъ одного изъ основаній новаго государственнаго устройства. Сообразно этому территорія съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ *должна быть выдѣлена изъ нынѣшнихъ административныхъ подраздѣленій* ¹⁾ и наряду съ преобразованиемъ органовъ мѣстнаго самоуправленія на широкихъ демократическихъ началахъ должна получить общіе органы областного законодательства и самоуправленія, руководимые народнымъ представительствомъ *въ видѣ украинскаго сейма, избираемаго всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ*. Такъ какъ установленіе границъ, возможно точно совпадающихъ съ

¹⁾ Такимъ образомъ, на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ было бы построено управленіе столь различными, на примѣръ, областями, какъ губерніи Полтавская и Волынская. Безсмыслица подобнаго объединенія бьетъ въ глаза.

національнимъ составомъ населенія, должно потребовать нѣкотораго времени, то общеимперскій законъ, реформирующій организацію мѣстнаго самоуправления, чтобы не тормозить деталями рѣшенія этого вопроса, можетъ ограничиться принципиальнымъ постановленіемъ объ измѣненіи границъ существующихъ административныхъ подраздѣленій сообразно этнографическому составу населенія (а внутри этнографической территоріи сообразно экономическимъ условіямъ и удобствамъ сообщенія), и срока, когда должно войти въ силу новое административное дѣленіе.

Организація областного украинскаго сейма и связанныхъ съ нимъ органовъ управленія и контроля съ широкими полномочіями въ мѣстномъ законодательствѣ, въ распоряженіи мѣстными финансами и областнымъ земельнымъ фондомъ, въ мѣстномъ управленіи, въ организаціи просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, общественной безопасности и средствъ экономическаго развитія, — по аналогіи другихъ наиболѣе крупныхъ автономныхъ организацій Россіи, должна послѣдовать одновременно съ ними, и по аналогіи съ ними должны быть опредѣлены предѣлы полномочій областного сейма и его органовъ, съ одной стороны, и центральнаго парламента и общеимперскихъ министерствъ. — съ другой. Предоставивъ центральнымъ органамъ нормированіе общихъ основаній государственнаго и общественнаго строя, распоряженіе средствами, необходимыми для содержанія органовъ

- центральнаго и общеимперскаго провинціального управленія (а также и въ тѣхъ отрасляхъ, которыя въ интересахъ государственнаго союза и лучшей своей организаціи останутся въ вѣдѣніи об-

щеимперскихъ министерствъ), равно какъ и управление въ этихъ сферахъ,—общеемперская конституція должна оставить органамъ мѣстнымъ широкую область устройства и нормированія мѣстныхъ отношеній, съ правомъ законодательной и всякой иной инициативы по отношенію къ органамъ центральнымъ, должна обезпечить такой порядокъ, при которомъ экономическія средства края, за исключеніемъ справедливаго участія въ общегосударственныхъ издержкахъ, обращались бы на удовлетвореніе потребностей мѣстной культурной и экономической жизни, и освободить теченіе и развитіе мѣстной жизни отъ давленія централизма.

Спеціальными законами *должна быть устранена всякая централизація и въ области церковнаго управленія*, а также искусственная перетасовка этнографическихъ элементовъ въ арміи, и созданы такія условія, чтобы отбываніе военной службы происходило какъ можно ближе къ родинѣ или постоянному мѣстопребыванію солдатъ, а не въ далекихъ краяхъ, въ совершенно чуждыхъ климатическихъ и бытовыхъ условіяхъ.

Особыми общеимперскими законами должны быть установлены права, которыми пользуются языки и нарѣчія не государственныхъ въ учрежденіяхъ, находящихся въ вѣдѣніи общеимперскихъ министерствъ, а также обезпечены права національностей, находящихся на извѣстной территоріи въ меньшинствѣ, по отношенію къ учрежденіямъ общимъ и мѣстнымъ, и указаны нормы, гарантирующія имъ возможность нестѣсняемаго существованія и осуществленія своихъ національныхъ и культурныхъ запросовъ. Въ первую очередь въ разрѣшеніи этого вопроса *должно быть постав-*

лено введеніе народныхъ языковъ, въ томъ числѣ и украинскаго среди украинскаго населенія, въ народную школу, какъ языка преподаванія, а въ школу среднюю и высшую украинскихъ дисциплинъ, какъ предметовъ преподаванія. Также принятіе мѣръ къ тому, чтобы не было недостатка въ учителяхъ народныхъ школъ, которые могли бы вести преподаваніе на украинскомъ языкѣ, а въ различныхъ учрежденіяхъ украинской территоріи—въ чиновникахъ, владѣющихъ этимъ языкомъ для сношенія на немъ съ мѣстнымъ населеніемъ. Далѣе—признаніе всѣхъ правъ украинскаго языка, съ сохраненіемъ за русскимъ значенія языка общегосударственнаго, и скорѣйшее проведеніе его, по мѣрѣ устраненія чисто-техническихъ трудностей, въ практику органовъ мѣстнаго управленія и всякаго рода учреждений, остающихся въ вѣдѣніи органовъ центральнаго правительства. Наконецъ, устраненіе всякихъ ограниченій, стѣсняющихъ пользованіе своимъ роднымъ языкомъ, во всѣхъ сферахъ культурной и общественной жизни“.

Не знаемъ, чему болѣе тутъ удивляться: диктаторскому самомнѣнію или революціонной наивности проф. Грушевскаго? Родной для малоросіянъ языкъ—русскій, языкъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ и „Миргорода“, а не уродливый, перелицованный проф. Грушевскимъ и К^о съ польскаго, „украинскій воляпюкъ“, который приличнѣе было бы назвать по древне-русски: ● „грушевское языкоболѣзніе“ или „языковредіе“, къ вящей славѣ изобрѣтателя. Обособленіе „украинско-автономной территоріи“ — протiwоестественно и совершенно невѣроятно по причинамъ гео-

графическимъ, историческимъ и экономическимъ. Скажемъ болѣе: мы предполагаемъ, что самъ проф. Грушевскій не вѣритъ въ возможность созданія „неподлеглой, самостоятельной и окремишной Украины“; если, тѣмъ не менѣе, онъ ратуетъ за образованіе новаго, столь же уродливаго, какъ языкъ, политическаго тѣла въ своихъ писаніяхъ и старается сманить себѣ въ соратники полуобразованныхъ земляковъ-читателей, то, вѣроятно, только изъ чувства ненасытнаго честолюбія и изъ маніи величія: пріятнѣе ему слыть среди слѣпыхъ приверженцевъ „батькомъ“, вождемъ „украинскаго“ народа, чѣмъ быть зауряднымъ русскимъ профессоромъ, хотя бы такъ называемой „прогрессивной марки“. Къ тому же, самый посѣвъ пагубной для мирнаго труда смуты въ умахъ — любезенъ революціонно-настроенному сердцу. А что значатъ насущные интересы населенія западно- и южно-русскихъ губерній передъ профессорскимъ вождельніемъ!

Слѣдовало бы еще подвести васъ къ зловонному болоту новѣйшей „украинской“ такъ называемой изящной словесности, познакомить васъ съ произведеніями разныхъ Франковъ и Маковеевъ, Кобринскихъ и Кобылянскихъ, Винниченковъ и Карманскихъ, Козловскихъ и Крымскихъ, Лесей и Олесей, Пачовскихъ и Капельгородскихъ, Онацкихъ и Чернявскихъ; но, къ сожалѣнію, время на исходѣ. Скажу одно: испаренія сатанинской злобы, ненависти и отчаянія, поднимающіяся отъ никому ненужныхъ писаній господъ и госпожъ, какъ бы выползшихъ изъ какихъ то подполій ада, прямо душатъ свѣжаго человѣка. Не скрываются ли подъ нѣкоторыми „украинскими“ псевдонимами

злобные сыны Іуды? Нравственная грязь писаній, напр., Винниченка и Крымскаго также переходитъ всякіе обычные предѣлы.

Украинофилы сдѣлали всѣ возможные шаги, чтобы познакомить со своими взглядами, ученіями и политическими требованіями германскую читающую публику и расположить въ свою пользу германское общественное мнѣніе. Пространная исторія Украины проф. Грушевскаго была переведена на нѣмецкій языкъ („Geschichte des ukrainischen Volkes“); въ серьезныя нѣмецкія энциклопедическія изданія (напримѣръ, „Russen über Russland“) и словари доставлялись статьи, изложенныя въ украинофильскомъ духѣ; въ нѣмецкихъ журналахъ и газетахъ стали появляться замѣтки о дѣятельности Общества имени Шевченка, украинскихъ партій и общественныхъ учрежденій; наконецъ, въ Вѣнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ началъ выходить на нѣмецкомъ языкѣ особый, впрочемъ, довольно тощенькій, ежемѣсячный журналчикъ: „Украинское Обозрѣніе“ („Ukrainische Rundschau“), посвященный исключительно задачамъ разъясненія нѣмцамъ, что „украинцы“ — не русскіе, что они враждебны единой, могущественной и сильной Россіи, на которую смотрятъ, какъ на „тюрьму народовъ“, что ихъ мечта — Соединенные Штаты Восточной Европы, что они массаами отступили отъ Православной Церкви, что среди нихъ, подъ названіемъ штунды, сильно распространено протестантство, что по складу ума, склоннаго къ раціонализму въ религіи, они духовно-родственны германцамъ, что у нихъ есть одинъ общій съ протестантской Германіей врагъ въ лицѣ католической Польши, что, наконецъ, они могутъ быть союзни-

ками германцевъ при рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ восточно-европейской политики. На обложкѣ каждаго нумера „Украинскаго Обозрѣнія“ печатается карта „Украины“ отъ Астрахани и Саратова до Кракова и Люблина, чтобы нѣмцы наглядно уразумѣли, какую будущность сулитъ имъ возможность распространить свое политическое, экономическое и культурное вліяніе на столь обширныя и богатыя области южной и западной Россіи. Такъ какъ украинофиламъ не могло быть неизвѣстнымъ стремленіе нѣмцевъ на Востокъ („Drang nach Osten“), выразившееся въ густой колонизаціи нѣкоторыхъ мѣстностей запада и юга Россіи, а въ особенности Волынской губерніи, то выходитъ, что они, навязываясь въ дружбу къ нѣмцамъ, какъ бы вызываютъ послѣднихъ на разработку плановъ хотя бы, на первый случай, мирнаго завоеванія „Украины“ и, такимъ образомъ, предають интересы родины. Въ результатъ всѣхъ украинофильскихъ стараній получилось, что не только германское общественное мнѣніе, но и германское правительство — обратили свое вниманіе на „украинцевъ“, стали называть ихъ „нѣмецкими друзьями“ („deutschfreundlichen“) и поняли, что они своими агитаторскими способностями могутъ быть полезны политикѣ германскаго народа. Въ послѣднее время появились разоблаченія, будто германское правительство изъ секретныхъ фондовъ оплачиваетъ дѣятельныхъ „украинскихъ“ агитаторовъ и субсидируетъ, воспособляетъ нѣкоторыя „украинскія“ учрежденія и изданія. Напримѣръ, „Украинское Обозрѣніе“ („Ukrainische Rundschau“) получило будто бы въ 1907 г. — 5.400 марокъ, а въ 1909 г. — 12.000 марокъ; газета „Дило“ получила будто бы

въ 1907 г. — 3.450 марокъ, въ 1908 г. — 2.600 марокъ; на 1910 г. было назначено будто бы на субсидированіе „украинской“ печати — 15.000 марокъ; въ 1908 году было выдано будто бы вспомошествованій: Обществу имени Шевченка — 600 марокъ, Украинскому студенческому союзу и Украинской Львовской читальнѣ также по 600 марокъ. Упомянулось въ этихъ разоблаченіяхъ и о вспомошествованіяхъ, раздаваемыхъ въ Кіевѣ.

Австрійское правительство поддерживаетъ украинофиловъ, держась своего обычнаго правила: „раздѣляй и властвуй“ („divide et impera“). Оно боится, что галицкіе русскіе, принявъ русскій государственный языкъ въ качествѣ языка литературы, науки и вообще высшей образованности, будутъ стремиться къ политическому соединенію съ Россіей, а потому содѣйствуетъ, сколько можетъ, всѣмъ украинофильскимъ затѣямъ, узаконило, перелицованный съ польскаго, „украинскій“ языкъ проф. Грушевскаго и К^о, съ фонетическимъ правописаніемъ, въ школѣ, администраціи и судѣ, открыло во Львовскомъ университетѣ нѣсколько „украинскихъ“ кафедръ. Привыкшій владычествовать надъ самыми разноплеменными народами, Габсбургскій домъ, въ особенности въ лицѣ нынѣшняго наслѣдника престола эрцгерцога Франца-Фердинанда, не прочь создать новое Кіевское королевство подъ властью одного изъ австрійскихъ эрц-герцоговъ и подъ протекторатомъ Австріи. Услужливые поляки подсказываютъ и имя будущаго короля Кіевскаго: это — молодой князь Гогенбергъ, внукъ Франца-Іосифа, сынъ будущаго императора, устранимый отъ трона Австро-Венгрии, но

прирожденный яко-бы претендентъ на какой либо новый тронъ въ Европѣ.

Поляки, въ данную минуту, враждебно относятся къ проф. Грушевскому и къ созданной имъ въ Галиціи національно-демократической политической партіи. И немудрено: и проф. Грушевскій, и созданная имъ партія—ведутъ непримиримую борьбу съ поляками за власть надъ восточной Галиціей, за Львовскій университетъ; проповѣдуя отчужденіе частно-владѣльческой земли въ пользу крестьянъ, стремятся уничтожить сословіе польскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, играющихъ въ Австріи видную политическую роль; наконецъ, внушая своимъ послѣдователямъ безразличіе къ религіи или даже атеизмъ, настраиваютъ галицкихъ униатовъ противъ римскаго папы, который считается другомъ-пріятелемъ поляковъ. Но вообще украинофильство, какъ движеніе, текущее изъ польскихъ источниковъ и глубоко враждебное ненавистной полякамъ Россіи, пользуется неизмѣнной и горячей поддержкой поляковъ. Недавно „Dziennik Petersburski“ писалъ: „Пора намъ, полякамъ Царства Польскаго, Литвы и Украины, рѣшительно понять, что *безъ національно-возрожденной и автономной Украины*, автономія Польши въ Россіи представляетъ неосуществимую утопію“. Черезъ нѣсколько дней та же газета выражалась такъ: „Хотимъ надѣяться, что *получившій изъ польскихъ рукъ пробужденіе къ сознательной жизни одинъ изъ славянскихъ народовъ—именно украинскій*—получитъ справедливое представительство и *высшую школу во Львовѣ*. Мы должны скоро дожить до такой минуты; направляющіе политическіе круги въ Галиціи хорошо

поймутъ, какое значеніе имѣло бы это для польскихъ дѣлъ“¹⁾). Извѣстенъ фактъ, что, напримѣръ, „украинская“ газета въ Могилевѣ на Днѣстрѣ „Свитова Зирныця“ издавалась всецѣло на польскія деньги. Въ особенности много надеждъ возлагается поляками на выкованный проф. Грушевскимъ и К^о языкъ. Въ сущности проф. Грушевскій, какъ мы видѣли раньше, пишетъ по-польски, лишь приспособляя польскіе звуки къ малоросійскому выговору. Поляки надѣются, что современемъ, подъ вліяніемъ идеи о превосходствѣ западно-римской культуры передъ восточно-византійской, кириллица (точнѣе „гражданка“) въ „украинскомъ“ языкѣ уступитъ мѣсто латиницѣ и, такимъ образомъ, „украинскій“ языкъ войдетъ въ русло языка польскаго, занявъ мѣсто его областного нарѣчія. Съ этимъ связывается и возможность воскрешенія Ягеллонской идеи, хотя бы подъ скипетромъ Габсбурговъ, родственниковъ Ягеллонамъ по бракамъ старыхъ польскихъ королей династіи Ягелла съ австрійскими эрц-герцогинями. Мечты поляковъ летятъ иногда и далѣе — къ покоренію поляками Россіи, какъ это было въ 1612 г., и къ

¹⁾ Украинскій университетъ—этотъ будущій разсадникъ свирѣпыхъ враговъ Россіи, вышколенныхъ въ искусствѣ агитаціи,—конечно, цѣнный союзникъ для „одбудователей ойчизны одъ можа до можа“. По поводу учрежденія украинскаго университета враждебныя Россіи вѣнскія газеты писали: „Дѣло украинскаго университета касается всей Украины отъ Карпатъ до Дона. Для Европы и всего культурнаго міра опасность исчезнетъ лишь тогда, когда будетъ поставлена преграда движенію царизма на западѣ. Народы пріобрѣтутъ тогда силу разрушить царскую имперію. Вотъ почему важно украинство Австріи и Германіи“.

гегемоніи поляковъ въ славянствѣ, какъ „народа господъ“, по нѣмецкому выраженію („Herrenvolk“). Этимъ мечтамъ въ послѣднее время дали новую пиццу: повѣсть, полу-беллетристическаго, полу-ученаго характера, извѣстнаго польскаго писателя Адама Шиманскаго, подъ заглавіемъ: „Аксинья—разсказъ изъ жизни московской Лехіи“,—и изслѣдованія академика А. А. Шахматова въ сентябрьскомъ выпускѣ журнала „Славянство“ о доисторическомъ расселеніи польскихъ и русскихъ племенъ. Есть въ лѣтописяхъ сказаніе, что въ „Ляхахъ“ жили два брата: Радимъ и Вятко; что они ушли съ родины и поселились: Радимъ—на р. Сожѣ, а Вятко—на р. Окѣ; что отъ нихъ пошли древне-русскія племена Радимичей и Вятичей. Шиманскій, наблюдавшій народную жизнь на границахъ губерній Калужской, Орловской и Тульской, приходитъ къ заключенію, что въ бытѣ населенія этихъ губерній, называющаго себя „полѣхами“, сохранилось много исконныхъ польскихъ чертъ, и что напрасно причисляютъ его къ великорусскому племени. „Вотъ ужъ семь вѣковъ спитъ вся московская Лехія; спитъ тихое земледѣльческое племя славнаго ляхскаго рода. Спитъ ли оно тѣмъ богатырскимъ сномъ, отъ котораго современемъ волею Божіею пробудится и, какъ его легендарные страшные и грозные воители, удивитъ свѣтъ своими подвигами, или заснуло уже на вѣки? Это можетъ знать только Богъ“. Академикъ А. А. Шахматовъ утверждаетъ, что въ VII—VIII в. вся нынѣшняя средняя Россія была колонизована польскими племенами, которыя поселились въ верхнемъ бассейнѣ Днѣпра, въ верховьяхъ Волги и Оки, между тѣмъ, какъ русскія племена осѣ-

лись на юго-западѣ, въ Поднѣпровіи, отчасти на юго-востокѣ, около Азовскаго моря; позднѣе русскія племена двинулись на сѣверъ, отбросили поляковъ на востокъ къ среднему теченію Волги и Оки, а сами протянулись въ мѣстности по р.р. Западной Двинѣ и Ловати; потому-то въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ замѣчаются нѣкоторыя польскія языковыя особенности. Характерно, что академикъ А. А. Шахматовъ, зарегистрированный въ своей партіи „кадѣкъ“ („кадетъ“), выступаетъ съ этой сомнительной теоріей въ моментъ наиболѣе напряженныхъ отношеній между поляками и русскими изъ-за холмскаго вопроса.

Воинствующее революціонное жидовство безусловно поддерживаеетъ украинофиловъ. Во 1-хъ, корифеи украинофильства М. П. Драгомановъ и М. С. Грушевскій (статья „Конецъ гетто!“) всегда высказывались за жидовское равноправіе. Во 2-хъ, жидаы — проводники и сторонники какъ разъ тѣхъ самыхъ политическихъ переворотовъ, къ которымъ стремятся украинофилы. Какъ же имъ не идти вмѣстѣ? Въ 3-хъ, жидамъ очень выгодно, чтобы русскіе ослабили себя бессмысленной междоусобной распрей изъ-за „украинства“: тѣмъ съ большею легкостью будетъ ими достигнута давно поставленная завѣтная цѣль — подчинить Россію своему игу.

Вотъ бѣглый и краткій отвѣтъ на тѣ вопросы, которые были поставлены въ заглавіи доклада; не знаю, удалось ли мнѣ, имѣя въ распоряженіи лишь ограниченное время, достаточно ясно представить происхожденіе и сущность украинофильства. Это ученіе совершенно чуждо русской почвѣ; оно развилось во второй половинѣ XIX вѣка, въ самую печальную эпоху упадка русской національной

идеи. Первоначально зародившись въ уманскомъ кружкѣ польской молодежи, оно было воспринято русскими людьми, плохо знакомыми съ исторіей своего народа и, подъ вліяніемъ новомодныхъ революціонно-политическихъ воззрѣній и польскихъ воздѣйствій, развилось въ цѣлую политическую систему, которая, съ поддержкой Германіи и Австріи, грозитъ намъ большими непріятностями и даже опасностями, особенно потому, что наше русское національное сознаніе слабо развито и не даетъ „украинскому“ движенію такого сильнаго, мощнаго отпора, какого оно заслуживаетъ. Украинoфилы готовятъ затѣваемый ими политическій, государственный переворотъ (Staatsstreich) „не на розовой водѣ и сахарѣ“, по выраженію одного писателя, а намѣреваются предложить его Россіи „путемъ желѣза, огня, крови и рыданій“. Когда въ австрійскихъ придворно-военныхъ кругахъ стало намѣчатся стремленіе къ борьбѣ съ Россіей изъ-за преобладанія на Балканскомъ полуостровѣ, когда, потомъ, габсбургская монархія приступила къ военнымъ приготовленіямъ, галицкіе „украинцы“, въ лицѣ своихъ вождей Романчука, фонъ-Василька, Смаль-Стоцкаго и др., неоднократно заявляли, что, въ случаѣ вооруженнаго столкновенія Австро-Венгріи съ Россіей, все украинское общество, по обѣимъ сторонамъ кордона, единодушно и рѣшительно встанетъ на сторону Австро-Венгріи и противъ Россійской Имперіи. Съ этимъ нужно считаться!
